

**ВОЕННО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
СБОРНИК**

**Марк СОЛОНИН
Лев ЛОПУХОВСКИЙ
Михаил МЕЛЬТЮХОВ
Дмитрий ХМЕЛЬНИЦКИЙ**

Великая Отечественная катастрофа 3



Военно-исторический сборник

Владислав Гончаров

**Великая Отечественная
катастрофа – 3 (сборник)**

«Яуза»

2008

Гончаров В. Л.

Великая Отечественная катастрофа – 3 (сборник) /
В. Л. Гончаров — «Яуза», 2008 — (Военно-исторический
сборник)

Новая книга проекта «Великая Отечественная катастрофа», посвященного одной из самых спорных и загадочных страниц отечественной истории — трагедии 1941 года. Никакой цензуры и идеологических запретов! Столкновение научных теорий и политических убеждений! Самые известные исследователи и военные историки Марк Солонин, Михаил Мельтюхов, Лев Лопуховский, Дмитрий Хмельницкий и др. отвечают на самые важные и болезненные вопросы: Почему Красная Армия не смогла удержать врага на западных границах СССР? Почему Люфтваффе удалось так быстро завоевать полное господство в воздухе? Могли ли советские танковые войска противостоять напору Панцерваффе? Каково было действительное соотношение сил на Восточном фронте 22 июня 1941 года?

© Гончаров В. Л., 2008

© Яуза, 2008

Содержание

Михаил Мельтюхов. Проблема соотношения сил сторон к 22 июня 1941 года	5
Марк Солонин. Удар по аэродромам – мифы и факты	30
Лев Лопуховский. В первые дни войны	51
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Великая Отечественная катастрофа – 3 (сборник)

Михаил Мельтюхов. Проблема соотношения сил сторон к 22 июня 1941 года

Одной из важных проблем начала Великой Отечественной войны, имеющих прямое отношение к дискуссии о причинах поражений Красной Армии, является вопрос о соотношении сил сторон к 22 июня 1941 года. Долгое время разработка этого вопроса в отечественной историографии велась в русле официальной установки, сформулированной еще в 1941 году в выступлениях И.В. Сталина, который в речи 3 июля заявил, что Германия бросила против СССР 170 дивизий, а в речи 6 ноября – о «недостатке у нас танков и отчасти авиации»¹. Совершенно очевидно, что подобная версия легко и просто объясняла причины «временных неудач» советских войск, поэтому она была активно использована в литературе, которая делала упор на количественное и качественное превосходство вооружений противника, подгоняя под этот тезис все статистические данные.

Правда, в первое десятилетие после 1945 года советская историография старалась вообще обходить молчанием вопрос о конкретных показателях численности войск сторон, ограничиваясь ритуальной фразой о превосходстве противника в силах. Так, во втором издании «Большой советской энциклопедии» указывалось, что *«всего фашистская Германия сосредоточила на зап[адных] границах СССР более 200 дивизий, из них 170 немецких (в том числе 19 танковых и 14 моторизованных), не считая вспомогательных частей»*. Далее подчеркивалось, что *«многомиллионная армия гитлеровцев, оснащенная большим количеством современной боевой техники, в момент внезапного нападения на Советский Союз обладала численным превосходством от мобилизованных и готовых к бою войск, имела количественный перевес в танках, авиации, а также минометах и автоматах»*. В результате *«в первый же день войны на небольшие по численности советские войска прикрытия обрушился удар немецко-фашистских полчищ, имевших 2-летний боевой опыт ведения современной войны на Западе и численное превосходство, особенно в танках и самолетах»*².

Постепенно в советской историографии стали появляться конкретные цифры, характеризующие состояние войск сторон. Анализ отечественной литературы позволяет проследить, как менялись представления по этому вопросу.

Вероятно, начать рассмотрение этой проблемы следует с вооруженных сил Германии, поскольку широко распространена уверенность в том, что по ним имеются составленные с немецкой педантичностью точные цифровые данные, которые уже давно введены в научный оборот. К сожалению, приводимые в отечественной исторической литературе сведения далеко не соответствуют этому мнению. Впервые в советской историографии некоторые цифры по общей численности германских вооруженных сил появились в «Очерках истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» В этой работе указывалось, что к лету 1941 года в вермахте имелось 215 дивизий и 6500 самолетов, из которых для нападения на СССР было выделено 170 дивизий, а также 38 дивизий союзников Германии, поддерживавшихся почти 5 тыс. самолетов³. Три года спустя в военно-историческом очерке «Вторая мировая война 1939–1945 гг.» со ссылкой на опубликованные в германской литературе данные указывалось, что к середине

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1947. С. 10, 24.

² БСЭ. Т. 7. М., 1951. С. 160, 162–163.

³ Очерки истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1955. С. 42.

1941 года в вермахте имелось 214 дивизий и 7 бригад, а общая численность германских вооруженных сил составляла 7234 тыс. человек. Всего для нападения на Советский Союз было выделено 152 дивизии и 2 бригады вермахта, 29 дивизий и 16 бригад его союзников, которые поддерживались почти 4900 самолетами⁴.

Первым в советской историографии военно-историческим исследованием, в котором вопросы численности войск сторон были рассмотрены намного более конкретно и систематизированно, стал «Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», изданный Военно-научным управлением Генштаба Советской армии под грифом «совершенно секретно». Оценивая численность вермахта к лету 1941 года, авторы этого исследования не приводят конкретных источников, ограничиваясь указанием на то, что «данные по численности вооруженных сил выведены расчетным путем на основании немецких трофейных документов». В итоге приведенные в книге оценки, насколько нам известно, являются максимальными (таблица 1).

Таблица 1

Варианты оценок общей численности вермахта⁵

	I	II	III	IV	V	VI
Личный состав (тыс. чел.)	9213	7234	св. 8500	7254	7300	7300
Дивизии	214	214	214	214	208	208
Бригады	7	?	7	7	6	6
Орудия и минометы	77 800	?	ок. 78 000	св. 61 000	71 500	71 500
Танки и пушечные орудия	11 000	5640	11 000	5639	5600	5600
Самолеты	10 100	10 000	ок. 11 000	св. 10 000	10 000 (5700)	5700

Однако в 1 томе изданной в начале 1960-х гг. 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» приводились уже несколько иные сведения об общей численности германских вооруженных сил – вероятно, скорректированные по опубликованным в германской литературе данным (см. таблицу 1). В 1965 году была издана краткая история войны, в которой без ссылок на источники приводились новые сведения об общей численности вермахта, которые явно были позаимствованы из вышеупомянутого «Стратегического очерка Великой Отечественной войны» (см. таблицу 1). В 1971 году эти сведения были опубликованы в третьем издании «Большой советской энциклопедии»⁶. Новые уточнения сведений об общей численности вермахта появились в 3 и 4 томах 12-томного фундаментального исследования по истории Второй мировой войны (см. таблицу 1). Опубликованные в данном труде цифры фактически стали каноническими и широко использовались в различных работах вплоть до второй половины 1980-х годов⁷.

Однако в 1990-е годы эти данные вновь были пересмотрены. Впервые новые цифры появились в 1994 году во 2 томе «Военной энциклопедии» (см. таблицу 1). Эти же сведения приводятся в последнем на сегодняшний день обобщающем труде по истории войны российских военных историков (см. таблицу 1), а также в 4 томе «Большой российской энциклопедии»⁸ и «Военном энциклопедическом словаре»⁹. Таким образом, по вопросу об общей численности вермахта к лету 1941 года отечественная историография пользуется сведениями,

⁴ Вторая мировая война 1939–1945 гг. Военно-исторический очерк. М., 1958. С. 136–137.

⁵ I – Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1961. С. 42; II – История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 1. М., 1963. С. 382; III – Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1965. С. 33; IV – История второй мировой войны 1939–1945 гг. В 12 т. Т. 3. М., 1974. С. 327; Т. 4. М., 1975. С. 13; V – Военная энциклопедия. В 8 т. Т. 2. М., 1994. С. 33; VI – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. В 4 кн. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 80.

⁶ БСЭ. Т. 4. М., 1971. С. 387–388.

⁷ Советская военная энциклопедия (далее – СВЭ). В 8 т. Т. 2. М., 1976. С. 54; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. М., 1985. С. 8.

⁸ БРЭ. Т. 4. М., 2006. С. 723.

⁹ Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 116.

почерпнутыми из германской литературы, но не использует непосредственно подлинные документы бывшего противника.

Схожий процесс проходил и по вопросу об оценках численности группировки, выделенной Германией и ее союзниками для нападения на СССР. Опубликованные в «Стратегическом очерке Великой Отечественной войны» цифры основывались либо на расчетных данных, либо на материалах, опубликованных в немецкой литературе (см. таблицу 2). Правда, эти цифры в 1 томе 6-томной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза» были несколько изменены (см. таблицу 2). При этом по вопросу о численности танков в германских войсках, развернутых для операции «Барбаросса», давались различные сведения не только в 1 и 2 томах этого издания, но и в разных тиражах 2 тома. Так, первоначально численность германских танков оценивалась в 3500 машин, но затем была увеличена до 3700 машин¹⁰. Правда, ни в том, ни в другом случае каких-либо ссылок на источники не делалось. В первом издании краткой истории войны без ссылок на источники приводились новые сведения о группировке, выделенной для войны с СССР (см. таблицу 2). Еще несколько уточненные цифры по численности группировки войск Германии и ее союзников к 22 июня 1941 года приводились в юбилейном издании по истории советских вооруженных сил (см. таблицу 2). В 1970 году эти же данные с указанием на то, что в составе 3712 немецких танков было 2786 средних и 926 легких, были опубликованы в 5 томе «Истории КПСС»¹¹. Однако опубликованный в том же году краткий научно-популярный очерк истории войны приводил вариант соответствующих цифр из краткой истории 1965 года¹². Правда, на следующий год в третьем издании «Большой советской энциклопедии»¹³ были приведены цифры из «Истории КПСС», которые использовались также и в фундаментальной многотомной «Истории СССР»¹⁴.

Несколько уточненные цифры по численности группировки противника, выделенной для нападения на Советский Союз, приводились в 3 и 4 томах 12-томного фундаментального труда по истории Второй мировой войны (см. таблицу 2). В позднейших публикациях вплоть до второй половины 1980-х годов использовались именно эти сведения¹⁵.

Таблица 2

Варианты оценок численности войск, развернутых для нападения на СССР¹⁶

	I	II	III	IV	V	VI	VII
Личный состав (тыс. чел.)	5500	ок. 5000	5500	5500	5500	5000	4998
Дивизии	181	181	181	190	181	182	182
Бригады	18	18	18	—	18	20	20
Орудия и минометы	50 000	св. 50 000	48 000	47 200	св. 47 200	47 200	47 200
Танки и пушечные орудия	3712	3410 [3700]	ок. 2800	3712	св. 4200	ок. 4400	4539
Самолеты	4950	4940	4950	4950	4950	4400	4361

Некоторое уточнение соответствующих цифр произошло в 1990-е годы на основе использования материалов, появившихся в германской историографии. Впервые эти сведения были

¹⁰ Ср.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1961. С. 9; Т. 2. М., 1963. С. 9.

¹¹ История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 5: 1938–1958 гг. Кн. 1 (1938–1945 гг.). М., 1970. С. 142.

¹² Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М., 1970. С. 35, 37; Изд. 2-е, доп. М., 1973. С. 33.

¹³ БСЭ. Т. 4. С. 388.

¹⁴ История СССР с древнейших времен до наших дней. В 12 т. Т. 10: СССР в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 1973. С. 13.

¹⁵ СВЭ. Т. 2. С. 54; История военного искусства. М., 1984. С. 121; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984. С. 120; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. Изд. 3-е. М., 1984. С. 35; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 8.

¹⁶ I – Стратегический очерк Великой Отечественной войны. С. 52; II – История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. М., 1963. С. 382, 384; Т. 2. М., 1963. С. 9; III – Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М., 1965. С. 33; IV – 50 лет Вооруженных Сил СССР. М., 1968. С. 251; V – История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 3. С. 327; Т. 4. С. 13; VI – Военная энциклопедия. Т. 2. С. 33; VII – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 1. С. ИЗ.

использованы в 1991 году в статье М.И. Мельтюхова, который также указал на то, что далеко не все войска Германии и ее союзников были к 22 июня развернуты на границе с СССР, а поэтому сведения об общей численности этих войск искажают реальное соотношение сил к началу войны¹⁷. Первым официальным изданием, в котором появились несколько уточненные данные по войскам противника к 22 июня 1941 года, стал 2 том «Военной энциклопедии» (см. таблицу 2). Более подробные цифры по этому вопросу приводятся в 1 книге военно-исторических очерков Великой Отечественной войны (см. таблицу 2). Кроме того, следует отметить, что именно в этом труде было четко сказано о том, что непосредственно к 22 июня 1941 года на границе Советского Союза находилось 153 дивизии и 19 бригад (из них немецких 125 дивизий и 2 бригады), около 4,4 млн человек, около 39 тыс. орудий и минометов, свыше 4 тыс. танков и около 4,4 тыс. боевых самолетов¹⁸. В дальнейшем цифровые данные из этих трудов использовались в исследовании «Мировые войны XX века»¹⁹, в «Большой российской энциклопедии»²⁰ и в других работах²¹. Правда, следует отметить, что в недавнем статистическом исследовании численность группировки противника без каких-либо объяснений и ссылок на источник вновь определялась в 5,5 млн человек, 181 дивизию и 18 бригад, 47 260 орудий и минометов, 4260 танков и штурмовых орудий и 4980 самолетов²².

Таким образом, совершенно очевидно, что с течением времени приводимые в отечественной историографии сведения о численности войск Германии и ее союзников все более явно заимствуются из германской литературы, а вовсе не из отчетных документов вермахта.

Несмотря на наличие довольно большого числа исследований, рассматривавших вопрос о составе и численности группировки вермахта и его союзников к 22 июня 1941 года, в отечественной историографии практически не приводится сведений о численности войск противника по стратегическим направлениям. Впервые не только в советской, но и в зарубежной историографии подобные расчетные данные о распределении германских войск по группам армий и войскам резерва ОКХ были приведены в секретном «Стратегическом очерке Великой Отечественной войны» (см. таблицу 3). Однако в данном случае источник сведений вообще не был указан. Более того, расчет личного состава давался только по штатной численности дивизий и бригад, что сокращало общую численность войск (с учетом 24 дивизий резерва ОКХ и войск Финляндии и Румынии) до 2993 тыс. человек. Таким образом, в распоряжении авторского коллектива этого труда не имелось конкретных данных, которые были бы взяты непосредственно из документов бывшего противника. Правда, следует отметить, что эти сведения так и остались недоступными для подавляющего большинства исследователей. Единственное, что первоначально было использовано в открытой печати²³ – это цифры по численности авиационных группировок противника из таблицы 3.

Таблица 3²⁴

¹⁷ Мельтюхов М. И. 22 июня 1941 г.: цифры свидетельствуют // История СССР. 1991. № 3. С. 16–28.

¹⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 1. С. 115.

¹⁹ Мировые войны XX века. В 4 кн. Кн. 3: Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 132.

²⁰ БРЭ. Т. 4. С. 723.

²¹ См., например: Кульков Е. И., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945 гг.: Факты и документы. М., 2001. С. 50; Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 116.

²² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Кн. 1. Летнеосенняя кампания 1941 г. М., 2004. С. 7–8.

²³ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 385–386.

²⁴ Стратегический очерк Великой Отечественной войны. С. 57.

	В Финляндии	Группы армий			Резерв ОКХ
		«Север»	«Центр»	«Юг»	
Личный состав (тыс. чел.)	326	455	820	992	400
Дивизии расчетные	22,5	29	51	63,5	24
Орудия и минометы	4000	8770	14 390	15 940	6900
Танки и штурмовые орудия	267	590	1765	725	365
Самолеты	906	1070	1680	1300	—

Таким образом, как это ни странно, в отечественной историографии не используются непосредственно документы вермахта, в которых подробно указывалась бы численность войск к началу операции «Барбаросса».

Теперь обратимся к германской историографии. Думается, большинство читателей уверено в том, что уж у немецких авторов все эти вопросы подробно освещены. Однако все обстоит совсем не так. До сих пор германская историография не имеет ни одного обстоятельного исследования численности и распределения вермахта по театрам военных действий в годы Второй мировой войны. Наиболее подробно рассмотрены вопросы боевого состава германских вооруженных сил и общие сведения об их численности в годы войны²⁵. Эти данные позволяют получить довольно точное представление о составе и численности вооруженных сил Германии к лету 1941 года. Однако по вопросу о численности войск, выделенных для операции «Барбаросса», такой ясности нет. Нет даже простой росписи численности войск по группам армий к 22 июня 1941 года. При этом имеется несколько вариантов данных об общей численности этой группировки.

Впервые данные о развертывании 3,3-млн группировки сухопутных войск Германии для войны против Советского Союза были опубликованы в 1956 году в ставшем ныне уже классическим труде Б. Мюллера-Гиллебранда²⁶, а затем неоднократно повторялись в германской литературе. Однако в германской историографии приводились и другие сведения по этому вопросу. Так, в изданной в 1959 году работе Х.-А. Якобсена численность сухопутных войск Германии, выделенных для нападения на СССР, определялась в 153 дивизии, 3050 тыс. человек, 7184 орудий, 3580 танков и 600 тыс. автомашин²⁷. В современном фундаментальном издании «Германский Рейх и Вторая мировая война» приводятся схожие сведения, взятые из донесения инспектора артиллерии и генерал-квартирмейстера от 20 июня 1941 года, в котором сообщалось о наличии в сухопутных войсках на Востоке 3050 тыс. человек, 625 тыс. лошадей, 600 тыс. автомобилей и бронемашин, 3350 танков (без штурмовых и самоходных орудий) и 7146 орудий²⁸. Вместе с тем в дневнике начальника генштаба сухопутных войск Германии генерал-полковника Ф. Гальдера указывается, что численность войск на Востоке составляет 2,5 млн человек²⁹. Вероятно, в данном случае речь идет о войсках, которые непосредственно вели бои на советской территории, без учета резервов ОКХ.

Традиционно в германской историографии значительная часть артиллерии войск на Востоке вообще не учитывается. Однако приводимые в книге Б. Мюллера-Гиллебранда сведения об организации и основных видах вооружений в дивизиях по состоянию на 15 мая 1941 года позволяют получить ориентировочные сведения по этому вопросу.

Точно так же в германской литературе нет единого мнения о численности танков и штурмовых орудий, находившихся на вооружении развернутых для нападения на СССР войск (см. таблицу 4). Сопоставляя приведенные в таблице сведения с вышеуказанным донесением гене-

²⁵ Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Frankfurt am Mein. 1966–1980. Bd. 1–14; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Der Angriff auf die Sowjetunion. Stuttgart. 1983; Bd. 5. Organisation und Mobilisierung des deutschen Machtbereich. Hbd. 1. Kriegsverwaltung, Wirtschaft und personelle Ressourcen, 1939–1941. Stuttgart. 1988; Hbd. 2. Kriegsverwaltung, Wirtschaft und personelle Ressourcen, 1942–1944/ 45. Stuttgart. 1999.

²⁶ Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. Пер. с нем. М., 1958. Т. 2. С. 140.

²⁷ Jacobsen H.-A. 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt. 1959. S. 36.

²⁸ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 270.

²⁹ Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. Т. 3. Кн. 1. М., 1971. С. 81.

рал-квартирмейстера, можно сделать вывод, что, видимо, наиболее близкими к действительности являются цифры, данные в фундаментальном труде «Германский Рейх и Вторая мировая война». Тем более, что указанное в нем общее количество танков хорошо корреспондирует с данными о численности танков в танковых дивизиях из опубликованного еще Б. Мюллером-Гиллебрандом документа генштаба сухопутных войск вермахта³⁰. Приводимые Т. Иентцем без указаний на источник сведения зачастую расходятся с уже известными данными, имеющимися в германской историографии. К тому же в зарубежной историографии имеются и несколько иные сведения по численности танковых дивизий вермахта к 22 июня³¹.

Таблица 4

Варианты численности танков в войсках, выделенных для нападения на СССР³²

Тип танка	I	II	III	IV
T-I	ок. 180	180	281	152
T-II	746	746	743	793
T-35(t)	—	106	157	155
T-38(t)	772	772	651	625
T-III	965	965	979	976
T-IV	439	439	444	439
Командирские	230	230	143	188
Всего	ок. 3332	3438 + 106	3398	3328 + 84
Штурмовые орудия	ок. 250	250	250	?
Итого	ок. 3582	3794	3648	3412

Схожие разногласия существуют и по численности Люфтваффе, выделенных для операции «Барбаросса». Так, в первом издании своей работы Х.-А. Якобсен приводил цифру 2000 самолетов, в более поздних изданиях это количество возросло сначала до 2150, а затем до 2740 самолетов³³. По данным, опубликованным в 1981 году исследователем из ГДР О. Грёлером, германские ВВС с учетом резерва выделили для операции 3519 самолетов, а союзники Германии развернули 1019 самолетов (в том числе Финляндия – 307, Румыния – 423, Словакия – 51, Венгрия – 100, Италия – 83 и Хорватия – 55). Таким образом, общая численность ВВС Германии и ее союзников к 22 июня составляла 4538 самолетов³⁴. Однако в 1988 году этот же автор приводил уже другие данные, согласно которым Люфтваффе выделило 3604 самолета, а их союзники – 1177 самолетов (из них 307 финских, 560 румынских, 100 венгерских, 100 итальянских, 60 хорватских и 50 словацких). Соответственно общее количество самолетов возросло до 4781³⁵. Видимо, наиболее полные данные по численности самолетного парка Люфтваффе приведены в 4 томе исследования «Германский Рейх и Вторая мировая война», согласно которым на 21 июня 1941 года в ВВС, выделенных для действий против СССР, насчитывалось 3904 самолета³⁶. К сожалению, по вопросу о распределении численности личного состава Люфтваффе до сих пор никаких документальных материалов не публиковалось.

Таким образом, в германской историографии интересующих нас исчерпывающих сведений о численности войск вермахта, выделенных для войны с Советским Союзом, также нет. Поэтому при определении численности личного состава и артиллерии вермахта приходится

³⁰ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. М., 1976. С. 269–270.

³¹ Росадо Х., Бишоп К. Танковые дивизии Вермахта 1939–1945. Краткий справочник-определитель бронетехники. Пер. с англ. М., 2007. С. 12, 35, 42, 62, 73, 80, 86, 96, 106, 111, 114, 120, 133, 138, 142, 145, 149.

³² I – Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 144; II – Nehring W. Die Geschichte der deutschen Panzerwaffe 1916 bis 1945. Berlin. 1969. S. 124; III – Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 185; IV – Jentz T. L. Die deutsche Panzertruppe. Bd. 1. 1933–1942. Wulfersheim – Berstadt. 1998. S. 19–193.

³³ Jacobsen H.-A. 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt. 1959. S. 36; Jacobsen H.-A. 1939–1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Koblenz. 1976. S. 36; Jacobsen H.-A. Der Weg zur Teilung der Welt. Koblenz. 1977. S. 551.

³⁴ Groehler O. Geschichte des Luftkriegs 1910 bis 1980. Berlin. 1981. S. 293–296.

³⁵ Groehler O. Kampf um die Luftherrschaft. Berlin. 1988. S. 58–59, 65.

³⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313.

пользоваться расчетными данными. Обычно используются сведения о штатной численности дивизий, однако вопрос, насколько совпадали штатная и списочная численность, никогда в историографии не обсуждался. Кроме того, совершенно очевидно, что штатная численность дивизий, выделенных для операции «Барбаросса», явно меньше общей численности группировки сухопутных войск, выделенных для войны на Востоке. Исходя из различий в этих данных, пришлось ввести постоянный коэффициент в 6690 человек на каждую дивизию в развернутых между Балтийским и Черным морями группах армий. Тем самым можно более полно оценить численность личного состава конкретных группировок сухопутных войск.

Естественно, что эти данные не могут считаться окончательными и, скорее всего, являются несколько завышенными. Точно так же расчетными являются и данные по численности личного состава ВВС, полученные исходя из доли развернутых для операции «Барбаросса» летных частей, частей ПВО, связи и т. п. Как уже указывалось, оценка численности артиллерии также рассчитывалась по косвенным данным, поэтому полученные цифры также могут быть несколько завышены.

Используя опубликованные в германской историографии сведения и расчетные материалы, можно получить следующие данные по численности группировки войск противника. На 15 июня 1941 года в вермахте служило 7329 тыс. человек, из них 3960 тыс. – в действующей армии, 1240 тыс. – в армии резерва, 1545 тыс. – в ВВС, 160 тыс. – в войсках СС, 404 тыс. – в ВМФ, около 20 тыс. – в иносациональных формированиях. Кроме того, до 900 тыс. человек приходилось на вольнонаемный состав вермахта и различные военизированные формирования³⁷. В сухопутных войсках имелось 208 дивизий (152 пехотных, 5 легкопехотных, 6 горнопехотных, 1 кавалерийская, 10 моторизованных, 20 танковых, 9 охранных, 1 полицейская, а также 3 дивизии и 1 боевая группа СС), лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», 1 моторизованная и 2 танковых бригады, 2 пехотных полка, 11 дивизионов и 5 батарей штурмовых орудий, 6 танковых батальонов, 14 моторизованных истребительно-противотанковых дивизионов, 38 пушечных, 12 смешанных, 39 гаубичных, 22 мортирных дивизионов, 20 батарей железнодорожной артиллерии, 7 дивизионов и 5 полков шестиствольных химических минометов, 10 смешанных зенитных дивизионов, 9 зенитных батальонов, 10 зенитных дивизионов, 29 зенитных батарей, 14 бронепоездов, а также другие части обеспечения и тыловых служб³⁸. По состоянию на 1 июня 1941 года на вооружении вермахта насчитывалось 88 251 орудие и миномет, 6292 танка, штурмовых и самоходных орудия и 6852 самолета³⁹. Пользуясь отсутствием сухопутного фронта в Европе, Германия смогла развернуть наиболее боеспособную часть своих вооруженных сил на границе с СССР.

Основу «Восточной армии» Германии составляли, естественно, сухопутные войска, которые выделили 3 300 000 человек. Для операции «Барбаросса» из четырех имевшихся штабов групп армий было развернуто три («Север», «Центр» и «Юг»), 8 (61,5 %) из 13 штабов полевых армий, руководивших действиями 34 штабов армейских корпусов (73,9 %) из 46, имевшихся в вермахте. Всего для Восточной кампании было выделено 101 пехотная, 4 легкопехотных, 4 горнопехотных, 10 моторизованных, 19 танковых, 1 кавалерийская, 1 полицейская, 9 охранных дивизий, 3 дивизии, 1 боевая группа СС, лейбштандарт СС «Адольф Гитлер», а также 1 моторизованная бригада, 1 моторизованный пехотный полк и сводное соединение СС – всего свыше 155 расчетных дивизий, что составляло 73,5 % их общего количества. Большая часть войск имела боевой опыт, полученный в предыдущих военных кампаниях. Так, из 155 дивизий в военных действиях в Европе в 1939–1941 гг. участвовали 127, а остальные 28 были частично

³⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/1. S. 856, 959; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 326.

³⁸ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 151–152, 215–219; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/1. S. 874–875.

³⁹ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/1. S. 554–555; Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres. Koblenz. 1987. Bd. 2. S. 211–212.

укомплектованы личным составом, также имевшим боевой опыт. В любом случае это были наиболее боеспособные части вермахта⁴⁰.

Здесь же, на Востоке, было развернуто 92,8 % частей Резерва Главного Командования (РГК), в том числе все дивизионы и батареи штурмовых орудий, 3 из 4 батальонов огнеметных танков, 11 из 14 бронепоездов, 92,1 % пушечных, смешанных, мортирных, гаубичных дивизионов, железнодорожных батарей, батарей привязных аэростатов, установок «Карл», дивизионов АИР, дивизионов и полков химических минометов, моторизованных разведывательных, пулеметных, зенитных батальонов, зенитных батарей, истребительно-противотанковых и зенитно-артиллерийских дивизионов РГК, а также 94,2 % саперных, мостостроительных, строительных, дорожно-строительных, самокатных батальонов, дегазационных и дорожно-дегазационных отрядов. Из этих частей РГК 23 % было развернуто в группе армий «Север», 42,2 % – в группе армий «Центр», 31 % – в группе армий «Юг», 3 % – в германских войсках, действующих в Финляндии, и 0,8 % находилось в резерве ОКХ⁴¹.

Основной ударной силой войск на Востоке были 11 моторизованных корпусов из 12 имевшихся в вермахте (91,7 %). 10 из них были к 22 июня 1941 года объединены в четыре танковые группы, состав которых указан в таблице 5. Кроме того, в составе 11 дивизионов и 5 батарей штурмовых орудий РГК насчитывалось 228 боевых машин, и 30 штурмовых орудий имелось на вооружении дивизий СС «Рейх» и «Мертвая голова», лейбштандарта СС «Адольф Гитлер», 900-й моторизованной бригады и моторизованного полка «Великая Германия» (всего 258 штурмовых орудий). Для действий в Финляндии было выделено два танковых батальона (40-й и 211-й), в которых насчитывалось 106 танков, а в составе трех батальонов огнеметных танков (100-го, 101-го и 300-го) имелось до 117 боевых машин. Кроме того, в составе приданных 9-й, 1-й, 7-й и 10-й танковым дивизиям соответственно 701-й, 702-й, 705-й и 706-й рот самоходных 150-мм орудий имелось 24 боевые машины, а на вооружении 521-го, 529-го, 559-го, 561-го, 611-го, 616-го, 643-го и 670-го истребительно-противотанковых дивизионов РГК и противотанковых рот дивизии СС «Викинг» и лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» находилось 156 самоходных 47-мм противотанковых орудий. Таким образом, в составе «Восточной армии» к 22 июня 1941 года насчитывалось до 4058 танков, штурмовых и самоходных орудий, а в резерве ОКХ в Германии находилось 2 танковые дивизии (около 350 танков)⁴².

Таблица 5⁴³

Танковая группа	Корпусов	МД	ТД	Танков
1-я	3	4	5	799
2-я	3	3	5	953
3-я	2	3	4	1 014
4-я	2	3	3	631
Итого	10	13	17	3 397

К 22 июня 1941 года на границе с СССР из 155 дивизий в трех группах армий и армии «Норвегия» находилось 127 дивизий, 2 бригады и 1 полк (см. таблицу 6). В этих войсках насчитывалось 2 812 400 человек, 37 099 орудий и минометов, 4058 танков, штурмовых и самоходных орудий⁴⁴.

⁴⁰ Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 253–264; Т. 3. С. 362–409.

⁴¹ Там же. Т. 2. С. 265–267.

⁴² Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 253–264; Tessin G. *Verbindliche und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen SS in Zweite Weltkrieg 1939–1945*. Frankfurt am Mein. 1977–1980. Bd. 5. S. 87; Bd. 6. S. 164, 170–171; Bd. 8. S. 48; Bd. 14. S. 213–214, 241; Харт С., Харт Р. *Вооружение и тактика войск СС*. М., 2006. С. 153–154; Акунов В. *Дивизия СС «Викинг»*. История Пятой танковой дивизии войск СС. 1941–1945 гг. М., 2006. С. 221.

⁴³ *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg*. Bd. 4. Beilage 2; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 269–270.

⁴⁴ Численность личного состава, орудий и минометов рассчитана по штатной численности: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 215–252.

Таблица 6 Группировка вермахта у границ СССР на 22 июня 1941 года⁴⁵

Соединение	Дивизии								Полки	Всего
	пд	лнд	мд	тд	гд	вд	дСС	одрд		
Армия «Норвегия»	1	—	—	—	2	—	1*	—	—	4
ГА «Север»	20	—	2	3	—	—	1	3	—	29
ГА «Центр»	31	—	5,5**	9	—	1	2***	3	1	51,5+1/3
ГА «Юг»	26	4	2	5	2	—	1,5****	3	—	43,5
Итого	78	4	9,5	17	4	1	5,5	9	1	128+1/3

* Боевая группа СС «Норд».

** Включая 900-ю моторизованную бригаду.

*** Учтено сводное соединение СС, временно подчиненное группе армий, в составе 4 моторизованных пехотных и 2 кавалерийских полков.

**** Включая лейбштандарт С С «Адольф Гитлер».

Военно-воздушные силы Германии развернули для обеспечения операции «Барбаросса» 60,8 % летных частей, 16,9 % войск ПВО и свыше 48 % войск связи и прочих подразделений. Каждая группа армий получила по одному воздушному флоту. Группу армий «Север» поддерживал 1-й воздушный флот в составе 1-го авиакорпуса, воздушного командования «Балтика» и воздушного округа «Кенигсберг». 2-й воздушный флот в составе 8-го и 2-го авиакорпусов, 1-го зенитного корпуса и воздушного округа «Позен» поддерживал группу армий «Центр». Для поддержки группы армий «Юг» был выделен 4-й воздушный флот в составе 5-го и 4-го авиакорпусов, 2-го зенитного корпуса, двух воздушных округов – «Бреслау» и «Вена» и миссии ВВС в Румынии. Действия армии «Норвегия» поддерживались частью сил 5-го воздушного флота, подчиненных «Генерал-инспектору ВВС Северной Норвегии» и воздушному командованию «Киркенес»⁴⁶. Кроме того, 51 самолет находился в распоряжении Главного командования ВВС (ОКЛ). Состав воздушных флотов показан в таблице 7.

Таблица 7⁴⁷

	Воздушные флоты				ОКЛ	Всего
	5-й	1-й	2-й	4-й		
Личный состав (тыс.)	19,4	138	284,7	199,4	8,5	650
Бомбардировщики	22	271	299	360	—	952
Истребители	12	203	384	366	—	965
Истребители-бомбардировщики	4	—	98	—	—	102
Пикировщики	40	—	425	—	—	465
Дальние разведчики	—	10	—	—	51	61
Морские, погодные разведчики	20	56	46	46	—	168
Транспортники	—	62	115	115	—	292
Всего	98	602	1367	887	51	3005
Тактическое подчинение группам армий						
Дальние разведчики	—	52	41	48	—	141
Ближние разведчики	10	87	170	149	—	416
Самолеты связи	9	84	124	109	—	326
Транспортники	—	5	10	6	—	21
Всего	19	228	345	312	—	904
Итого	117	830	1712	1199	51	3909

Всего для нападения на Советский Союз германское командование выделило 4 050 000 человек (3 300 000 в сухопутных войсках и войсках СС, 650 000 в ВВС и около 100 000 в ВМФ). «Восточная армия» насчитывала 155 расчетных дивизий, 43 812 орудий и минометов, 4408 танков, штурмовых и самоходных орудий и 3909 самолетов⁴⁸. Однако из этих сил на 22

⁴⁵ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. Beilage 2; Bd. 5/1. S. 874–875; KTB OKW. Bd. 1. Frankfurt am Mein. 1965. S. 416.

⁴⁶ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 310–311.

⁴⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313. Численность личного состава расчетная.

⁴⁸ История второй мировой войны. Т. 3. С. 328; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 125, 147; Т. 3. С. 269–270; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313; Bd. 5/1. S. 874–875.

июня 1941 года на Восточном фронте было развернуто 128 расчетных дивизий, и германская группировка насчитывала 3 562 400. человек, 37 099 орудий и минометов, 4058 танков, штурмовых и самоходных орудий и 3909 самолетов.

Вместе с Германией к войне против Советского Союза готовились ее союзники: Финляндия, Словакия, Венгрия, Румыния и Италия, которые выделили для ведения войны следующие силы (см. таблицу 8).

Кроме того, Хорватия выделила 56 самолетов и до 1,6 тыс. человек⁴⁹. К 22 июня 1941 года на границе не было словацких и итальянских войск, которые прибыли позднее. Следовательно, в развернутых там войсках союзников Германии находилось 767 100 человек, 37 расчетных дивизий, 5502 орудия и миномета, 306 танков и 886 самолетов.

Таблица 8⁵⁰

	Личный состав	Дивизии расчетные	Орудия и минометы	Танки	Самолеты
Финляндия	340 600	17,5	2047	86	307
Словакия	42 500	2,5	246	35	51
Венгрия	44 500	2,5	200	160	100
Румыния	380 400	17,5	3255	60	423
Италия	61 900	3	925	61	83
Итого	869 900	42,5	6673	402	964

Всего же к 22 июня 1941 года силы Германии и ее союзников на Восточном фронте насчитывали 4 329 500 человек, 166 расчетных дивизий, 42 601 орудие и миномет, 4364 танка, штурмовых и самоходных орудия и 4795 самолетов (из которых 51 находился в распоряжении главного командования ВВС и вместе с 8,5 тыс. человек личного состава ВВС в дальнейших расчетах не учитывается).

* * *

Не менее сложным путем в отечественной историографии решался вопрос о численности советских вооруженных сил к лету 1941 года. Естественно, что все эти данные долгое время оставались секретными и не публиковались. Так, ни в 7 томе второго издания «Большой советской энциклопедии», ни в «Очерках истории Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.», ни в военно-историческом очерке «Вторая мировая война 1939–1945 гг.», ни даже в 6-томнике «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» численность Красной армии вообще не указывалась. В последнем труде были опубликованы либо процентные данные от неизвестных цифр, либо отдельные сведения, не дающие возможности представить реальную численность советских вооруженных сил. Например, указывалось, что в западных приграничных округах имелось 1475 танков КВ и Т-34. *«Правда, в войсках имелось значительное количество танков старых типов (БТ-5, БТ-7, Т-26 и др.), которые намечалось с течением времени снять с вооружения. Но многие из этих танков были неисправны»*⁵¹.

Насколько можно судить, впервые конкретные данные по численности Красной Армии были опубликованы в вышеупомянутом секретном «Стратегическом очерке Великой Отечественной войны». Эти цифры явно не укладывались в устоявшуюся версию о полном превосходстве противника (см. таблицы 9 и 12). Более того, в этом труде были впервые приведены сведения о численности войск всех западных приграничных округов (см. таблицу 10), что позволяло дать довольно подробную картину соотношения сил не только в целом (см. таблицу 11),

⁴⁹ Groehler O. Geschichte des Luftkriegs. S. 295.

⁵⁰ История второй мировой войны. Т. 3. С. 338; Сафронов В. Г. Итальянские войска на советско-германском фронте 1941–1943 гг. М., 1990. С. 175; Gosztony P. Deutschlands Waffengefarten an der Ostfront. 1941–1945. Stuttgart. 1981. S. 72,140,220; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 894–896; Groehler O. Geschichte des Luftkriegs. S. 294–296; Eliberarea Basarabiei si a Nordului Bucovinei (22 iunie — 26 iulie 1941). Bucuresti. 1999. P. 91.

⁵¹ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 1. С. 475.

но и по стратегическим направлениям. Правда, следует учитывать, что приведенные в таблице 10 сведения о численности личного состава относятся только к сухопутным войскам без учета личного состава ВВС, ПВО и ВМФ.

Таблица 9

Варианты оценки численности советских вооруженных сил⁵²

	I	II	III	IV	V	VI
Личный состав (тыс. чел.)	5427,3	5373	5400	5700	5680,7	5700
Дивизии	303	303	303	303	303	?
Бригады	19	?	19	3	19	?
Орудия и минометы	91 493	св. 67 000	115 900	св. 114 500	117 589	св. 114 500
Танки	18 680	1861	св. 23 000	св. 23 000	18 691	св. 23 000
Самолеты	15 990	2 700	22 164	ок. 15 800	16 052	ок. 13 000

Таблица 10⁵³

	ЛВО	ПриОВО	ЗапОВО	КОВО	ОдВО
Личный состав (тыс. чел.)	333,4	341,2	590,6	797,3	297,2
Дивизии расчетные	21,5	25,5	44	58	22
Орудия и минометы	7750	6847	13 045	13 634	5 554
Танки	1543	1274	2189	4785	743
Самолеты	1563	1304	2114	2256	1216

Таблица 11⁵⁴

	Красная Армия	Противник	Соотношение
Дивизии	171	190	1 : 1,1
в т.ч. сд, пд, кл, охр. д	111	154,5	1 : 1,4
гд	40	19	2,1 : 1
мд	20	16,5	1,2 : 1
Личный состав (тыс. чел.)	2901	5500	1 : 1,8
в т.ч. в дивизиях и бригадах	1566	2993	1 : 1,9
Орудия и минометы	46 830	50 000	1 : 1,07
в т.ч. ПТО	6275	11 930	1 : 1,8
75-мм и выше	14 365	14 300	1 : 1
минометы	21 695	20 810	1,04 : 1
зенитные орудия	4495	2960	1,5 : 1
Танки	10 534*	3712	2,8 : 1
из них тяжелые и средние	1522	1679	1 : 1,1
легкие	7648	1783	4,2 : 1
Самолеты	8453*	4950	1,7 : 1
в т.ч. бомбардировщики	3281	2600	1,2 : 1
истребители	4758	1580	3 : 1
разведчики	414	770	1 : 1,8

* Танки и самолеты только исправные, данные на 1 июня 1941 года без учета ВВС ВМФ.

Совершенно очевидно, что открытая публикация подобных цифр явно противоречила бы версии о подавляющем вражеском превосходстве, поэтому в доступных для широкого читателя работах приводились несколько иные сведения, которые тем не менее основывались на данных из «Стратегического очерка». В юбилейном труде по истории советских вооруженных сил были впервые опубликованы скорректированные для массового читателя соответствующие цифровые данные по численности советской группировки в западных приграничных округах (см. таблицу 12). При этом указывалось, что «кроме того, в составе приграничных округов имелось значительное количество легких танков устаревших конструкций с ограниченным моторесурсом». По вопросу же об общей численности советских вооруженных сил указывалось

⁵² I – Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 146–147; II – История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 18; III – 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С. 27, 29, 34, 39, 72, 90; IV – Военная энциклопедия. Т. 2. С. 35; V – Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 1. С. 90; VI – БРЭ. Т. 4. С. 723.

⁵³ Стратегический очерк Великой Отечественной войны. С. 155–156.

⁵⁴ Стратегический очерк Великой Отечественной войны. С. 156–157.

только общее количество дивизий (303), а также орудий и минометов (91 493)⁵⁵, явно позаимствованное из «Стратегического очерка».

В том же 1968 году под грифом «секретно» была издана работа маршала М. В. Захарова «Накануне великих испытаний», в которой приводился ряд более объективных данных о численности советских вооруженных сил, насчитывавших к началу войны 5 421 122 человека и имевших на вооружении по данным на 1 июня 1941 года 13 088 исправных танков (без учета Т-37, Т-38, Т-40 и огнеметных). Кроме того, в приложениях к работе приводились сведения из мобилизационного плана о наличии военной техники по состоянию на 1 января 1941 года. Соответственно, к тому моменту в Красной Армии имелось 95 039 орудий и минометов, 22 531 танк и 26 263 самолета⁵⁶. Понятно, что все эти сведения также не использовались в открытой печати. Сама же книга стала доступной для широкого круга исследователей лишь в 2005 году.

Тем временем сведения о численности группировки советских войск в западных приграничных округах из книги «50 лет Вооруженных Сил СССР» были приведены в изданном два года спустя кратком научно-популярном очерке истории Великой Отечественной войны⁵⁷, во втором издании краткой истории войны⁵⁸, а также и в третьем издании «Большой советской энциклопедии»⁵⁹.

Одновременно в фундаментальной «Истории КПСС» были опубликованы данные, что к 22 июня 1941 года в советских войсках на западной границе, которые в значительной степени находились в состоянии реорганизации и формирования, насчитывалось 170 дивизий, 2,9 млн человек, 18,2 % новых танков и 21,3 % новых самолетов⁶⁰. Эти же сведения были опубликованы три года спустя в многотомной «Истории СССР»⁶¹. Следует отметить, что на основе этих данных, используя опубликованные ранее цифры о количестве в западных приграничных округах танков КВ и Т-34 (1475) и новых самолетов (1540), несложное арифметическое действие позволяло установить, что в этих войсках насчитывалось не менее 8104 танков и не менее 7230 самолетов. Однако подобные оценки не имели шанса появиться в открытой советской литературе.

Таблица 12

Варианты оценки численности войск западных приграничных округов⁶²

	I	II	III	IV	V	VI
Личный состав (тыс. чел.)	2 901,9	2 900	2 900	2 384	ок. 3100	3000
Дивизии	170	170	170	170	186	186
Бригады	14	2	2	2	?	14
Орудия и минометы	46 830	34 695*	37 500*	52 469	св. 47 200	39 400
Танки	10 534	1800**	1475***	12 378	12 800	11 000
Самолеты	8453	1540***	1540***	9917	ок. 8900	9100

* – без 50-мм минометов.

** – танки тяжелые и средние.

*** – танки и самолеты новых конструкций.

В 1972 году в Академии Генерального штаба была издана мизерным тиражом в 20 экземпляров брошюра С. П. Иванова «Причины временных неудач Советской Армии летом 1941 г.

⁵⁵ 50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 235, 236.

⁵⁶ Захаров М. В. Генеральный штаб в предвоенные годы. М., 2005. С. 412, 454–455, 479.

⁵⁷ Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М., 1970. С. 51; Изд. 2-е, доп. М., 1973. С. 45.

⁵⁸ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. Изд. 2-е, исправ. и доп. М., 1970. С. 54.

⁵⁹ БСЭ. Т. 4. С. 389.

⁶⁰ 1. С. 144.

⁶¹ История СССР с древнейших времен до наших дней. Т. 10. С. 16.

⁶² I – Стратегический очерк Великой Отечественной войны. С. 146–147; II – 50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 252; III – История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 25–26; IV – 1941 год – уроки и выводы. С. 199, 220;

(Историческая справка)». В ней автор постарался совместить уже опубликованные цифры и собственные расчеты, получив следующее соотношение сил (см. таблицу 13). Однако подобные изыскания, видимо, были сочтены неуместными, и в изданном в 1974 году открытом труде под редакцией С. П. Иванова приводились уже публиковавшиеся ранее цифры⁶³.

Таблица 13⁶⁴

	Красная Армия	Противник	Соотношение
Дивизии	170	190	1 : 1,1
Личный состав (тыс.)	2902	5500	1 : 1,9
Орудия и минометы	34 695	47 260	1 : 1,4
Танки и штурмовые орудия	8105	3712	2,2 : 1
Самолеты	7230	4950	1,5 : 1

Вместе с тем следует отметить, что при подготовке 4-го тома «Истории второй мировой войны 1939–1945 гг.» авторы попытались использовать некоторые из цифр, опубликованных в «Стратегическом очерке», но Главная редакционная коллегия запретила это делать. В частности, на соответствующее место рукописи было сделано следующее замечание: *«Нет качественной характеристики военной техники сторон. Показатели по Вооруженным силам СССР, особенно по танкам – 18 600, самолетам – 15 990, слишком велики. Без качественной характеристики может сложиться у читателя ложное представление о силе сторон накануне войны. Известно, что в Советской Армии абсолютное большинство танков и самолетов было устаревших систем»*⁶⁵. В итоге в 12-томном фундаментальном труде по истории Второй мировой войны были опубликованы несколько уточненные сведения по общей численности Красной Армии и советской группировке на западных границах СССР (см. таблицы 9 и 12). При этом продолжала использоваться устоявшаяся формула о том, что, помимо указанного количества танков и самолетов новых типов, в войсках имелось «также значительное количество легких танков и боевых самолетов устаревших конструкций»⁶⁶. Фактически эти данные стали каноническими и широко использовались в отечественной историографии второй половины 1970-х-1980-х годов⁶⁷.

Только в конце 1980-х гг. в советской историографии в ходе начавшейся дискуссии о проблемах начального периода Великой Отечественной войны в открытой печати стали постепенно появляться новые цифровые данные, характеризующие состояние советских вооруженных сил к лету 1941 года. В 1987 году в статье А. Г. Хорькова ставшая уже традиционной фраза о «значительном количестве устаревших танков» была впервые заменена указанием на то, что имелось «более 20 тыс. танков устаревших конструкций, многие из которых нуждались в капитальном и среднем ремонте»⁶⁸. В 1988–1989 гг. на страницах «Военно-исторического журнала» и в истории

Таблица 14⁶⁹

⁶³ Начальный период войны (по опыту первых кампаний и операций второй мировой войны). М., 1974. С. 214–215.

⁶⁴ РГВА. Ф. 40997. Оп. 1. Д. 21. Л. 40, 41, 43.

⁶⁵ РГВА. Ф. 40997. Оп. 1. Д. 41. Л. 101.

⁶⁶ История второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 4. С. 25.

⁶⁷ СВЭ. Т. 2. С. 55; История военного искусства. М., 1984. С. 123; Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945 гг. Краткая история. Изд. 3-е. М., 1984. С. 50–51; Вторая мировая война. Краткая история. С. 120; Самсонов А. М. Вторая мировая война. М., 1985. С. 87; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Энциклопедия. С. 11.

⁶⁸ Хорьков А. Г. Накануне грозных событий // Военно-исторический журнал. 1987. № 5. С. 48.

⁶⁹ История ордена Ленина Ленинградского военного округа. М., 1988. С. 159–160; Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С. 45; № 8. С. 36; 1989. № 4. С. 23; № 7. С. 16.

	ЛВО	ПрибОВО	ЗапОВО	КОВО	ОдВО
Личный состав (тыс. чел.)	?	348	671,9	863,7	325,7
Дивизии расчетные	21,5	25,5	44	58	22
Орудия и минометы	7 750	5 575	10 087	13 634	5 554
Танки	1 543	1 393	2 201	4 201	769
Самолеты	1 563	1 210	1 909	2 256	1 216

Ленинградского военного округа были опубликованы новые сведения о численности западных приграничных округов (см. таблицу 14), и в итоге стало очевидно, что привычные цифры являются лишь частью (иногда очень небольшой) общих данных по Красной Армии.

В 1992 году была издана новая работа, посвященная в основном проблемам военных действий на советско-германском фронте в 1941 году. Хотя этот труд был издан под грифом «для служебного пользования», он практически сразу же стал доступен широкому кругу исследователей. В нем широко использовались материалы «Стратегического очерка Великой Отечественной войны» и новые сведения, извлеченные из Центрального архива Министерства обороны (см. таблицы 9 и 12). Там же были приведены новые данные по численности войск западных приграничных военных округов (см. таблицу 15).

В изданном в 1994 году 2 томе «Военной энциклопедии» были опубликованы новые цифровые данные об общей численности советских вооруженных сил и группировки войск на западных границах (см. таблицы 9 и 12). Все эти цифровые данные были несколько уточнены в военно-исторических очерках Великой Отечественной войны (см. таблицы 9 и 12).

Таблица 15⁷⁰

	ЛВО	ПрибОВО	ЗапОВО	КОВО	ОдВО
Личный состав (тыс. чел.)	358 446	348 247	671 900	901 000	304 061
Дивизии расчетные	21,5	25,5	44	58	22
Орудия и минометы	7 867	7 951	13 938	16 115	6 598
Танки	1 771	1 618	2 900	4 970	1 119
Самолеты (без ВВС ВМФ)	1 545	1 211	2 084	2 333	1 299

В дальнейшем соответствующие сведения из этих изданий были использованы в много-томном труде «Мировые войны XX века»⁷¹ и «Большой российской энциклопедии» (см. таблицу 9).

Тем временем в 1990-е годы в Институте военной истории Министерства обороны Российской Федерации было разработано статистическое исследование численности Советских вооруженных сил в период Великой Отечественной войны⁷², являющееся, видимо, наиболее полным на данный момент. Учитывая, что соответствующие архивные документы, содержащие эти сведения, все еще недоступны для большинства исследователей, эта работа является уникальным сводом данных. К сожалению, она была издана мизерным тиражом и недоступна для широкого круга исследователей, однако приведенные в этом исследовании данные использовались при подготовке военно-исторических очерков по истории войны и частично публиковались в ряде справочников⁷³. Правда, следует учитывать, что в сведениях об общей численности действующей армии на 22 июня 1941 года не учтено почти 48 % численности войск

⁷⁰ 1941 год – уроки и выводы. С. 220.

⁷¹ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 133.

⁷² Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1-13. М., 1994–1999.

⁷³ Командный и начальствующий состав Красной Армии в 1940–1941 гг.: Структура и кадры центрального аппарата НКО СССР, военных округов и общевойсковых армий. Документы и материалы. М., 2005. С. 243–250; Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: Действующая армия. М., 2005. С. 536–538, 541–542, 546–547, 551–552, 556–557, 562–563, 567–568, 572–573; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кампании, стратегические операции и сражения. Статистический анализ. Кн. 1. С. 7–8, 66, 90.

Одесского военного округа – что, естественно, занижает общую численность советской группировки в западных приграничных округах.

Однако в литературе продолжается использование и иных данных о численности войск западных приграничных военных округов. Например, в 2001 году была издана книга, авторы которой без каких-либо объяснений вернулись к цифрам из «Истории второй мировой войны»⁷⁴. Вместе с тем встречаются издания, которые не приводят конкретных цифр по численности группировки Красной Армии на западной границе, отмечая лишь, что она уступала противнику по количеству личного состава, но превосходила по количеству боевой техники, уступавшей по своим качественным характеристикам технике врага⁷⁵. Тем не менее имеющиеся в отечественной историографии цифровые данные позволяют получить достаточно подробное представление о численности советских вооруженных сил и соотношении сил сторон к началу Великой Отечественной войны.

Вооруженные силы Советского Союза в условиях начавшейся войны в Европе продолжали расти и к лету 1941 года были крупнейшей армией мира. К началу войны в советских вооруженных силах служило 5 774 211 человек, из них 4 605 321 в сухопутных войсках, 475 656 в ВВС, 353 752 в ВМФ, 167 582 в пограничных и 171 900 во внутренних войсках НКВД⁷⁶. В состав сухопутных войск входили управления 4 фронтов, 27 армейских управлений, управления 62 стрелковых, 4 кавалерийских, 29 механизированных, 5 воздушно-десантных корпусов, 303 дивизии (198 стрелковых, 13 кавалерийских, 61 танковая и 31 моторизованная), 16 воздушно-десантных, 1 мотоброневая, 5 стрелковых и 10 противотанковых артиллерийских бригад, 94 корпусных, 14 пушечных, 29 гаубичных, 32 гаубичных артполков большой мощности РГК, 12 отдельных артдивизионов особой мощности, 45 отдельных зенитно-артиллерийских артдивизионов, 8 отдельных минометных батальонов, 3 корпуса ПВО, 9 бригад ПВО, 40 бригадных районов ПВО, 29 мотоциклетных полков, 1 отдельный танковый батальон, 8 дивизионов бронепоездов, а также другие части обеспечения и тыловых служб⁷⁷. На вооружении войск находилось 117 581 орудие и миномет, 25 786 танка и 24 488 самолетов⁷⁸. Из этих войск в пяти западных приграничных округах дислоцировались 174 расчетные дивизии, составлявшие 56,1 % состава сухопутных войск (см. таблицу 16).

Таблица 16

*Группировка советских войск в западных приграничных округах*⁷⁹

Военные округа	Дивизии					Бригады	Всего
	сд	гсд	тд	мд	кд		
Ленинградский	15	—	4	2	—	1	21,5
Прибалтийский особый	19	—	4	2	—	4	26*
Западный особый	24	—	12	6	2	3	45*
Киевский особый	26	6	16	8	2	3	59*
Одесский	12	1	4	2	3	3	23*
Итого	96	7	40	20	7	14	174

* Воздушно-десантный корпус приравнен к 0,75 стрелковой дивизии.

Войска НКВД состояли из 14 дивизий, 18 бригад и 21 отдельного полка различного назначения, из которых в западных округах находилось 7 дивизий, 2 бригады и 11 оператив-

⁷⁴ Кульков Е. Н., Мягков М. Ю., Ржешевский О. А. Война 1941–1945 гг.: Факты и документы. М., 2001. С. 53.

⁷⁵ Мировые войны XX века. Кн. 3. С. 136; БРЭ. Т. 4. С. 723; Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 116.

⁷⁶ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). Статистический сборник № 1 (22 июня 1941 г.). М., 1994. С. 50–52; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 1. С. 89–90; Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. М., 1995. С. 390–400.

⁷⁷ Боевой состав Советской Армии. Ч. 1 (июнь – декабрь 1941 г.). М., 1964. С. 7–14, 83.

⁷⁸ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 50–52.

⁷⁹ Боевой состав Советской Армии. Ч. 1. С. 7–10, 12.

ных полков внутренних войск, на базе которых в ЛВО, ПриОВО и КОВО перед войной началось формирование 21-й, 22-й и 23-й мотострелковых дивизий НКВД⁸⁰. Пограничные войска состояли из 18 округов, 94 погранотрядов, 8 отдельных отрядов пограничных судов и других частей. К лету 1941 года на западной границе СССР находилось 8 округов, 49 погранотрядов, 7 отдельных отрядов пограничных судов и другие части⁸¹.

Группировка советских войск в западных приграничных округах насчитывала 3 061 160 человек (2 691 674 в Красной Армии, 215 878 в ВМФ и 153 608 в войсках НКВД), 57 041 орудие и миномет, 13 924 танков (из них 11 135 исправных) и 8974 самолета (из них 7593 исправных). Кроме того, авиация Северного, Балтийского, Черноморского флотов и Пинской военной флотилии имела 1769 самолетов (из них 1506 исправных). К сожалению, техническое оснащение войск НКВД до сих пор неизвестно. Кроме того, с мая 1941 года началось сосредоточение на Западном ТВД 71 дивизии из внутренних военных округов и с Дальнего Востока. Из этих войск к 22 июня в западные округа прибыло 16 дивизий (10 стрелковых, 4 танковые и 2 моторизованные), в которых насчитывалось 201 691 человек, 2746 орудий и 1763 танка⁸².

Таблица 17

Соотношение сил на Западном ТВД к 22 июня 1941 года

	Красная Армия	Противник	Соотношение
Дивизии	190	166	1,1 : 1
Личный состав	3 262 851	4 329 500	1 : 1,3
Орудия и минометы	59 787	42 601	1,4 : 1
Танки и штурмовые орудия	15 687	4364	3,6 : 1
Самолеты	10 743	4795	2,2 : 1

Группировка советских войск на Западном ТВД была достаточно мощной. Общее соотношение сил к утру 22 июня 1941 года представлено в таблице 17, по данным которой противник превосходил Красную Армию лишь по численности личного состава, ибо его войска были отмотобилизованы.

Хотя приведенные выше данные и дают общее представление о силе противостоящих группировок, следует учитывать, что вермахт завершил стратегическое сосредоточение и развертывание на ТВД, тогда как в Красной Армии этот процесс находился в самом разгаре. Как образно описал эту ситуацию А. В. Шубин, «с Запада на Восток с большой скоростью двигалось плотное тело. С Востока не торопясь выдвигалась более массивная, но более рыхлая глыба, масса которой нарастала, но недостаточно быстрыми темпами»⁸³. Поэтому следует рассмотреть соотношение сил еще на двух уровнях. Во-первых, это соотношение сил сторон на различных стратегических направлениях в масштабе округ (фронт) – группа армий, а во-вторых, на отдельных оперативных направлениях в приграничной полосе в масштабе армия – армия. При этом в первом случае учитываются только сухопутные войска и ВВС, а для советской стороны еще пограничные войска, артиллерия и авиация ВМФ, но без сведений по личному составу флота и внутренних войск НКВД. Во втором случае для обеих сторон учитываются только сухопутные войска.

Начнем с **Северо-Западного направления**, где друг другу противостояли группа армий «Север» и Прибалтийский особый военный округ (Северо-Западный фронт) (см. таблицу 18). Вермахт имел довольно значительное превосходство в живой силе и некоторое в

⁸⁰ РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 617. Л. 259–260; Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 1. С. 122; Органы и войска МВД России. М., 1996. С. 297.

⁸¹ Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. С. 46.

⁸² Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 10–12, 19–22.

⁸³ Шубин А. В. Мир на краю бездны. От глобального кризиса к мировой войне. 1929–1941 годы. М., 2004. С. 496.

артиллерии, но уступал в танках и авиации. Однако следует учитывать, что непосредственно в 50-км приграничной полосе располагалось лишь 8 советских дивизий, а еще 10 находились в 50-100 км от границы. С середины июня началось выдвижение советских войск к границе, но к 22 июня завершить этот процесс не удалось. К границе выдвигались 23-я, 48-я, 126-я стрелковые дивизии, 11-я стрелковая дивизия прибывала из ЛВО в район Шауляя, а 3-й и 12-й мехкорпуса были выведены в районы сосредоточения по плану прикрытия. В результате на направлении **главного удара** группе армий «Север» противнику удалось добиться более благоприятного для него соотношения сил (см. таблицу 19).

На **Западном направлении** противостояли друг другу группа армий «Центр» и войска Западного особого военного округа (Западного фронта) с частью сил 11-й армии ПрибОВО. Для немецкого командования это направление было главным в операции «Барбаросса», и поэтому группа армий «Центр» была сильнейшей на всем фронте. Здесь было сосредоточено 40 % всех германских дивизий, развернутых от Баренцева до Черного моря (в том числе 50 % моторизованных и 52,9 % танковых).

Таблица 18

Соотношение сил в Прибалтике⁸⁴

	ПрибОВО	Группа армий «Север»	Соотношение
Дивизии	23	29	1 : 1,3
Личный состав	348 863	792 900	1 : 2,3
Орудия и минометы	7467	8348	1 : 1,1
Танки	1348	727	1,8 : 1
Самолеты	1814	830	2,2 : 1

Таблица 19⁸⁵

	8-я армия	18-я армия и 4-я танковая группа	Соотношение
Дивизии	7	16	1 : 2
Личный состав	82 010	360 060	1 : 4,4
Орудия и минометы	1574	4666	1 : 2,9
Танки	730	697	1 : 1

Группу армий поддерживал крупнейший воздушный флот Люфтваффе. В полосе наступления группы армий «Центр» в непосредственной близости от границы находилось лишь 15 советских дивизий, а 14 располагались в 50-100 км от нее. Остальные войска начали в середине июня сосредоточение к границе, и к 22 июня в движении находились войска 2-го (100-я, 161-я стрелковые дивизии), 47-го (55-я, 121-я, 143-я стрелковые дивизии), 44-го (64-я, 108-я стрелковые дивизии) и 21-го (17-я, 37-я, 50-я стрелковые дивизии) стрелковых корпусов. Кроме того, на территории округа в районе Полоцка сосредоточивались войска 22-й армии из УрВО, из состава которой к 22 июня 1941 года прибыло на место 3 стрелковые дивизии, и 21-й мехкорпус из МВО – общей численностью 72 016 человек, 1241 орудие и миномет и 692 танка⁸⁶. В итоге содержащиеся по штатам мирного времени войска ЗапОВО уступали про-

⁸⁴ В таблице учтен личный состав сухопутных войск, авиации и погранвойск НКВД. Расчет по штатной численности: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 253–264; Т. 3. С. 269–270; Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С. 45; Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. С. 391–392; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 16–18; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313.

⁸⁵ В таблице учтен личный состав только сухопутных войск. Барышев Н. Оборонительная операция 8-й армии в начальный период Великой Отечественной войны//Военно-исторический журнал. 1974. № 7. С. 75–84; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 269–270; История военного искусства. Т. 5. М., 1958. С. 48.

⁸⁶ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 19–22; 1941 год – уроки и выводы. С. 91.

тивнику только в личном составе, но превосходили его в танках, самолетах и незначительно в артиллерии (см. таблицу 20). Однако, в отличие от войск группы армий «Центр», они не завершили сосредоточение, что позволяло громить их по частям.

Группа армий «Центр» должна была осуществить двойной охват войск Западного округа, расположенных в Белостокском выступе, ударом от Сувалок и Бреста на Минск, поэтому основные силы группы армий были развернуты на флангах. С юга (от Бреста) наносился главный удар. На северном фланге (Сувалки) была развернута 3-я танковая группа вермахта, которой противостояли части 11-й армии ПриБОВО (см. таблицу 21). В полосе советской 4-й армии были развернуты войска 43-го армейского корпуса 4-й немецкой армии и 2-я танковая группа. На этом участке противник также смог добиться значительного превосходства (см. таблицу 22).

Таблица 2 °Соотношение сил в Белоруссии⁸⁷

	ЗапОВО и части 11-й армии ПриБОВО	Группа армий «Центр»	Соотношение
Дивизии	54	51,5	1 : 1
Личный состав	791 445	1 453 200	1 : 1,8
Орудия и минометы	16 151	15 161	1 : 1
Танки	4413	2255	1,9 : 1
Самолеты	2129	1712	1,2 : 1

Таблица 21⁸⁸

	Части 11-й армии	3-я танковая группа	Соотношение
Дивизии	3	12	1 : 4
Личный состав	34 700	265 000	1 : 7,6
Орудия и минометы	646	3 060	1 : 4,7
Танки	268	1 038	1 : 3,9

Таблица 22

	4-я армия	Части 4-й армии и 2-я танковая группа	Соотношение
Дивизии	7	20,5	1 : 2,9
Личный состав	71 349	461 680	1 : 6,5
Орудия и минометы	1 657	5 953	1 : 6,5
Танки	520	1 025	1 : 2

На **Юго-Западном направлении** группе армий «Юг», объединявшей германские, румынские, венгерские и хорватские войска, противостояли части Киевского особого и Одесского военных округов (Юго-Западного и Южного фронтов). Советская группировка на Юго-Западном направлении была сильнейшей на всем фронте, поскольку согласно предвоенному оперативному плану⁸⁹ именно она должна была наносить главный удар по противнику. Однако и здесь советские войска не завершили сосредоточение и развертывание. Так, в КОВО в непосредственной близости от границы находилось лишь 16 дивизий, а 14 располагались в 50-100 км от нее. С середины июня началось выдвижение к границе войск 31-го (193-я, 195-я,

⁸⁷ В таблице учтен личный состав сухопутных войск, авиации и погранвойск НКВД. Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 16–18; средняя численность для войск 11-й армии рассчитана по: Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С. 45; Коломиец М. 1941: бои в Прибалтике 22 июня – 10 июля 1941 года//Фронтовая иллюстрация. 2002. № 5. С. 10; Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. С. 392; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 269–270; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313.

⁸⁸ В таблицах 21–22 учтен личный состав только сухопутных войск. Семидетко В. А. Истоки поражения в Белоруссии//Сборник работ молодых ученых ИВИ. М., 1989. С. 73; Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 23; Коломиец М. Указ. соч. С. 10; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 269–270.

⁸⁹ Об оперативном планировании в Красной Армии в 1940–1941 гг. см.: Мельтюхов М. И. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу 1939–1941 гг. Изд. 2-е исправ. и доп. М., 2002. С. 301–336.

200-я стрелковые дивизии), 36-го (140-я, 146-я, 228-я стрелковые дивизии), 37-го (80-я, 139-я, 141-я стрелковые дивизии), 49-го (190-я, 109-я, 198-я стрелковые дивизии) и 55-го (130-я, 169-я, 189-я стрелковые дивизии) стрелковых корпусов. В ОдВО в 50-км приграничной полосе находилось 9 дивизий, а 6 располагались в 50-100-км полосе. Кроме того, на территорию округов прибывали войска 16-й и 19-й армий, из состава которых к 22 июня сосредоточилось 10 дивизий (7 стрелковых, 2 танковых и 1 моторизованная), общей численностью 129 675 человек, 1505 орудий и минометов и 1071 танк⁹⁰. Даже не будучи укомплектованными по штатам военного времени, советские войска превосходили группировку противника (см. таблицу 23), однако они не завершили сосредоточение и развертывание.

Таблица 23 Соотношение сил на Украине⁹¹

	КОВО и ОдВО	Группа армий «Юг»	Соотношение
Дивизии	91,5	63,5	1,4 : 1
Личный состав	1 412 136	1 556 100	1 : 1,1
Орудия и минометы	26 580	16 008	1,7 : 1
Танки	8069	1 190	6,8 : 1
Самолеты	4696	1 778	2,6 : 1

Войска противника имели лишь некоторое превосходство в живой силе, но значительно уступали в танках, самолетах и несколько меньше в артиллерии. Но на направлении **главного удара** группы армий «Юг», где советской 5-й армии противостояли части 6-й немецкой армии и 1 – я танковая группа, противнику удалось добиться лучшего для себя соотношения сил (см. таблицу 24).

Самым благоприятным для Красной Армии было соотношение на фронте Ленинградского военного округа, где ему противостояли финские войска и части немецкой армии «Норвегия» (см. таблицу 25). На Крайнем Севере войскам советской 14-й армии противостояли германские части горнопехотного корпуса «Норвегия» и 36-го армейского корпуса (см. таблицу 26), и здесь противник имел превосходство в живой силе и незначительное в артиллерии. Правда, следует учитывать, что, поскольку военные действия на советско-финляндской границе начались в конце июня – начале июля 1941 года, обе стороны наращивали свои силы, и приведенные данные не отражают численности войск сторон к началу боевых действий.

Таблица 24⁹²

	5-я армия	6-я армия и 1-я танковая группа	Соотношение
Дивизии	8	15	1 : 1,9
Личный состав	93 368	339 340	1 : 3,6
Орудия и минометы	2215	4035	1 : 1,8
Танки	712	865	1 : 1,2

Таблица 25 Соотношение сил на границе с Финляндией⁹³

⁹⁰ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 19–22; 1941 год – уроки и выводы. С. 91; Eliberarea Basarabiei și a Nordului Bucovinei. P. 91.

⁹¹ В таблице учтен личный состав сухопутных войск, авиации и погранвойск НКВД. Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 16–18, 19–22, 44–46; 1941 год – уроки и выводы. С. 199; Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. С. 392–393; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 269–270; История второй мировой войны. Т. 3. С. 338; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313; Groehler O. Geschichte des Luftkriegs. S. 295.

⁹² В таблице учтен личный состав только сухопутный войск. Владимирский А. В. На киевском направлении. М., 1989. С. 22–28; 1941 год – уроки и выводы. С. 29, 139; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 3. С. 269–270.

⁹³ В таблице учтен личный состав сухопутных войск, авиации и погранвойск НКВД. История второй мировой войны. Т. 3. С. 338; 1941 год – уроки и выводы. С. 199; Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 16–18; Пограничные войска СССР в годы Второй мировой войны. С.

	ЛВО	Финская армия и армия «Норвегия»	Соотношение
Дивизии	21,5	21,5	1 : 1
Личный состав	426 230	418 900	1 : 1
Орудия и минометы	9589	3084	3,1 : 1
Танки	1857	192	9,7 : 1
Самолеты	2104	424	5 : 1

Таблица 26⁹⁴

	14-я армия	Противник	Соотношение
Дивизии	5	4	1,2 : 1
Личный состав	52 600	78 300	1 : 1,5
Орудия и минометы	1150	1037	1,1 : 1
Танки	392	106	3,7 : 1

Таким образом, германское командование, развернув на Восточном фронте основную часть вермахта, не смогло добиться подавляющего превосходства не только в полосе всего будущего фронта, но и в полосах отдельных групп армий. Однако Красная Армия не была отобилизована и не закончила процесс стратегического сосредоточения и развертывания. Вследствие этого части первого эшелона войск прикрытия значительно уступали противнику, войска которого были развернуты непосредственно у границы. Подобное расположение советских войск позволяло громить их по частям. На направлениях главных ударов групп армий германскому командованию удалось создать превосходство над войсками Красной Армии, которое было близко к подавляющему. Наиболее благоприятное соотношение сил сложилось для вермахта в полосе группы армий «Центр», поскольку именно на этом направлении наносился главный удар всей Восточной кампании. На остальных направлениях, даже в полосах армий прикрытия, сказывалось советское превосходство в танках. Общее соотношение сил позволяло советскому командованию не допустить превосходства противника даже на направлениях его главных ударов. Но в действительности произошло обратное.

Советское военно-политическое руководство неверно оценивало степень угрозы германского нападения. В мае 1941 года Красная Армия начала стратегическое сосредоточение и развертывание на Западном ТВД, которое должно было завершиться к 15 июля. Однако 22 июня она застигнута врасплох и не имела ни наступательной, ни оборонительной группировки. Советские войска не были отобилизованы, не имели развернутых тыловых структур и лишь завершали создание органов управления на ТВД. На фронте от Балтийского моря до Карпат из 77 дивизий войск прикрытия Красной Армии в первые часы войны отпор врагу могли оказать лишь 38 не полностью отобилизованных дивизий, из которых лишь некоторые успели занять оборудованные позиции на границе. Остальные войска находились либо в местах постоянной дислокации, либо в лагерях, либо на марше. Если же учесть, что противник сразу бросил в наступление 103 дивизии, то понятно, что организованное вступление в сражение и создание сплошного фронта советских войск было крайне затруднено. Упредив советские войска в стратегическом развертывании, создав мощные оперативные группировки своих полностью боевых сил на избранных направлениях главного удара, германское командование создало благоприятные условия для захвата стратегической инициативы и успешного проведения первых наступательных операций.

Таким образом, долгое время в отечественной историографии приводились далеко не полные сведения по численности советских вооруженных сил накануне Великой Отечественной войны. Лишь в конце 1980-х гг. в открытой литературе появились более объективные сведения на этот счет, и в начале 1990-х годов традиционная точка зрения о полном численном

390; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 313.

⁹⁴ Блокада рассекреченная. СПб., 1995. С. 22; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. Т. 2. С. 253–264.

превосходстве противника была окончательно опровергнута. Однако наметилась тенденция, пользуясь неясностью вопросов качественного состояния вооружений, под этим предлогом сводить на нет советское количественное превосходство и тем самым в новом виде реанимировать старую версию о немецком превосходстве⁹⁵.

Поэтому следует обратиться к вопросу о качественном соотношении военной техники сторон. Основную ударную силу армий того времени составляли танковые войска. Однако каждая великая держава имела свою систему классификации бронетанковой техники. В Красной Армии танки классифицировались по боевой массе (масса заправленного танка с полным боекомплектом и экипажем). Соответственно на вооружении имелись легкие (Т-27, Т-37, Т-38, Т-40, Т-26, БТ-2, БТ-5, БТ-7, БТ-7М), средние (Т-28, Т-34) и тяжелые (Т-35, КВ-1, КВ-2) танки. В механизированном корпусе по штату должно было быть 71,4 % легких танков (из них 43 % БТ)⁹⁶.

В вермахте существовала своя собственная классификация танков, основанная на калибре танковой пушки. К легким относились Т-I и Т-II, Т-III считался средним танком сопровождения, а Т-IV – тяжелым танком огневой поддержки⁹⁷. Кроме того, на вооружении вермахта находились трофейные чешские танки Т-35(t) и Т-38(t), а также штурмовые и самоходные орудия. Таким образом, прямое сопоставление техники сторон, как это обычно имеет место в историографии, невозможно. Обративший внимание на этот факт В. Суворов предложил использовать для сопоставления американскую классификацию бронетехники, которая основывалась на том, что все танки до 20 тонн считались легкими, до 40 тонн – средними, а свыше 40 тонн – тяжелыми. Учитывая разницу в компоновке танка в СССР и Германии, он сделал вывод о том, что все германские танки являлись легкими⁹⁸. В принципе подобный подход является вполне возможным вариантом решения этого непростого вопроса, однако следует учитывать, что американская классификация все же ближе к советской, нежели к германской. Поэтому в таблице 27 приводятся не только типы танков Красной Армии и вермахта, но и в скобках указаны вес и вооружение (количество и калибр орудий и пулеметов), что, по нашему мнению, позволяет более объективно сопоставить бронетанковую технику сторон.

Кроме того, традиционной проблемой историографии является вопрос о состоянии танкового парка Красной Армии. Еще в 1961 году было опубликовано утверждение о том, что *«в целом по Вооруженным Силам СССР на 15 июня 1941 года из танков старых типов нуждалось в капитальном ремонте и восстановлении 29 процентов, в среднем ремонте – 44 процента. Исправные же танки старых образцов составляли не более 27 процентов»*⁹⁹. Несмотря на то, что к этим сведениям была сделана ссылка на материалы Центрального архива Министерства обороны, сам этот документ до сих пор не опубликован и, собственно говоря, совершенно неизвестно, насколько это утверждение соответствует действительности. Единственным документом, позволяющим решить вопрос о количестве бронетехники в Красной Армии, является «Ведомость наличия боевых машин по округам по состоянию на 1 июня 1941 г.» Этот документ был составлен 9 июня 1941 года для начальника Главного автобронетанкового

⁹⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Кн. 1. С. 123; Анфилов В. А. Крушение похода Гитлера на Москву. 1941 год. М., 1989. С. 108–109; Зверев Б. И., Куманев Г. А. О военно-экономической готовности СССР к отражению фашистской агрессии // Вопросы истории КПСС. 1991. № 9. С. 26–27; Бабин А. И. Канун и начало Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 32–33; Язов Д. Т. Впереди была война // Военно-исторический журнал. 1991. № 5. С. 5–6; Петров Б. Н. Военные действия на северо-западном направлении в начальный период войны // Военно-исторический журнал. 1988. № 7. С. 45; Крикунов В. П. Куда делись танки // Военно-исторический журнал. 1988. № 11. С. 28–39; Гареев М. А. Еще раз к вопросу: готовил ли Сталин превентивный удар в 1941 г. // Новая и новейшая история. 1994. № 2. С. 202.

⁹⁶ Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 25.

⁹⁷ Дронов В. Новый взгляд на состояние германского танкостроения с 1936 по 1945 гг. // Актуальные проблемы новой и новейшей истории. Ульяновск. 1995. С. 48–49.

⁹⁸ Суворов В. Последняя республика. М., 1995. С. 408–432.

⁹⁹ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Т. 1. С. 475.

управления Красной Армии генерал-лейтенанта Я. Н. Федоренко, который должен был подготовить для Главного военного совета РККА доклад по вопросу «Состояние обеспечения Красной Армии автобронетанковой техникой и имуществом». Первоначально планировалось, что доклад состоится 20 мая 1941 года, затем он был перенесен на 18 июня, а потом еще раз на 25 июня¹⁰⁰ и, насколько можно судить, так и не состоялся.

Тем не менее подготовленная ведомость является наиболее полным систематизированным сводом данных по вопросу о состоянии бронетанковой техники. Прежде всего следует отметить, что она не подтверждает вышеприведенное утверждение из «Истории Великой Отечественной войны» 1961 года. В принципе к исправной технике относились танки 1-й и 2-й категорий. Однако проблема состоит в том, что во 2-й категории оказались объединены как бывшие в эксплуатации исправные, так и требующие текущего ремонта танки.

Понятно, что подобное объединение показателей не только не позволяет однозначно ответить на вопрос о количестве исправных танков, но и открывает широкий простор для различных предположений и домыслов. Например, пытаясь определить количество боеготовых машин, М. Барятинский полагает, что примерно 30 % танков из этой категории также было неисправно¹⁰¹. С таким же успехом можно постулировать любую другую процентную цифру, вплоть до 100 % – ведь никаких точных данных нет. Неизвестны и сведения о текущих ремонтах в частях. Кроме того, понятия «боеготовый» и «исправный» не тождественны, поскольку второе понятие шире первого. Понятно, что в течение июня 1941 года в войсках обеих сторон происходило изменение технического состояния бронетанковой техники, но какие-либо точные данные на более позднюю дату пока не известны. В результате в таблице 27 в скобках указано количество исправных танков обеих армий, исходя из доступных материалов.

Для полной картины состояния танкового парка вермахта и Красной Армии следует помнить, что в июне 1941 года в СССР было произведено 305 танков, а в Германии – 312.

Таблица 27

Количество танков в вооруженных силах СССР и Германии на 1 июня 1941 года¹⁰²

Красная Армия		Вермахт	
T-35 (50 т, 1 – 76-мм, 2 – 45-мм, 2 – 7,62-мм)	59 (48)		
KB (47,5 т, 1 – 76-мм, 5 – 7,62-мм)	504 (501)		
T-28 (25,2 т, 1 – 76-мм, 4 – 7,62-мм)	481 (292)	613 (572)	T-IV (20-22,3 т, 1 – 75-мм, 1 – 7,92-мм)
T-34 (26,8 т, 1 – 76-мм, 2 – 7,62-мм)	892 (891)	377 (377)	Штурмовое орудие-III (22 т, 1 – 75-мм)
BT-7M (14,65 т, 1 – 45-мм, 1 – 7,62-мм)	704 (690)	1 113 (1 090)	T-III (20,3 т, 1 – 50-мм, 2 – 7,92-мм)
BT-7 (13,8 т, 1 – 45-мм, 2 – 7,62-мм)	4 563 (3 791)	316 (235)	T-III (19,3 т, 1 – 37-мм, 3 – 7,92-мм)
BT-5 (11,5 т, 1 – 45-мм, 1 – 7,62-мм)	1 688 (1 261)	198 (187)	T-35(t) (10,5 т, 1 – 37-мм, 2 – 7,92-мм)
BT-2 (11,3 т, 1 – 37-мм, 1 – 7,62-мм)	594 (429)	779 (754)	T-38(t) (9,7 т, 1 – 37-мм, 2 – 7,92-мм)
T-26 (10,25 т, 1 – 45-мм, 2 – 7,62-мм)	10 000 (8 425)	1 204 (1 159)	T-II (9,5 т, 1 – 20-мм, 1 – 7,92-мм)
T-40 (5,5 т, 1 – 12,7-мм)	132 (131)	38 (38)	Орудия на самоходных лафетах (8,5 т, 1 – 150-мм)
T-38 (3,3 т, 1 – 7,62-мм)	1 129 (733)	202 (202)	Противотанковые орудия на самоходных лафетах (6,4 т, 1 – 47-мм)
T-37 (3,2 т, 1 – 7,62-мм)	2 331 (1 483)	1 122 (877)	T-I (6 т, 2 – 7,92-мм)
T-27 (2,7 т, 1 – 7,62-мм)	2 376 (1 060)	330 (330)	Коммандирские (6 т)
Су-5 (50-65 т, 1 – 76-152-мм)	28 (16)		
Итого	25 481 (19 751) – 77,5%	6 292 (5 821) – 92,5%	Итого

¹⁰⁰ Главный военный совет РККА. 13 марта 1938 г. – 20 июня 1941 г.: Документы и материалы. М., 2004. С. 299–301, 318–320, 324. Сам доклад начальника ГАБТУ опубликован в сборнике «Главное автобронетанковое управление. Люди, события, факты в документах. Кн. 2. 1940–1942» (М., 2005. С. 49–56), перепечатан с некоторыми изменениями в сборнике «Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1942 гг.» (М., 2007. С. 407–422). В этом документе численность танков KB, T-34 и T-40 приведена с учетом поставок от промышленности за первую половину июня 1941 г.

¹⁰¹ Барятинский М. «К походу и бою не готовы» // Великая Отечественная катастрофа. Трагедия 1941 года. М., 2007. С. 186.

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 71. Оп. 25. Д. 4134. Л. 1–8; Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres. Bd. 2. S. 211–212.

Потери вермахта в Африке до 22 июня составили 16 танков¹⁰³.

В отечественной историографии широко распространены утверждения о том, что, кроме Т-34 и КВ, все остальные танки были устаревшими¹⁰⁴. Однако сопоставление тактико-технических данных советских и германских танков показывает, что никакого существенного превосходства германская техника не имела. Какие-то параметры были лучше у танков противника, а какие-то – у советских танков. Большая скорость и лучшая проходимость позволяли использовать советские «устаревшие» танки для борьбы с немецкими на равных.

Ход боевых действий в 1941 году показал, что если советские «устаревшие» танки примерно соответствовали германской технике, то Т-34 и особенно КВ существенно превосходили все типы танков вермахта. Более того, оказалось, что германские войска вообще не располагают средствами, которые позволили бы на равных бороться с этими типами танков Красной Армии. Однако нельзя не отметить, что танковые войска вермахта имели опыт современной маневренной войны, четкого взаимодействия с другими родами войск на поле боя, что позволило им получить определенное качественное превосходство над советскими танковыми войсками, которые не закончили очередную реорганизацию и были вынуждены зачастую вступать в бои без поддержки не только авиации, но и пехоты или артиллерии.

Сопоставление качественных показателей артиллерии обеих сторон показывает, что ни о каком значительном превосходстве немецкой артиллерии не может быть и речи. И в РККА, и в вермахте на вооружении находились как модернизированные образцы орудий эпохи Первой мировой войны, так и создававшиеся в конце 1920-х-1930-х гг. Перспективные разработки советских конструкторов создавали значительный задел для дальнейшего совершенствования артиллерии РККА. Кроме того, Красная Армия получила на вооружение БМ-13 – знаменитую «катюшу», ликвидировав германскую монополию на реактивные системы залпового огня в сухопутных войсках. Так что говорить о превосходстве немцев в качестве артиллерии нет никаких оснований. Другое дело, что артиллерийские части вермахта имели боевой опыт и отработанное взаимодействие с другими родами войск на поле боя. Используя свой опыт современной войны, германские артиллеристы в начале войны действовали более умело и добивались серьезных успехов.

Анализ качественного состояния авиации сторон, предпринятый в новейших исследованиях¹⁰⁵, показывает, что советские ВВС и Люфтваффе имели на вооружении вполне сопоставимую технику. Какие-то параметры были лучше у советских, а какие-то – у немецких самолетов. Широкое использование в отечественной историографии эпитета «устаревший» применительно к большей части советских самолетов является ничем не оправданным мифом. Проблема перевооружения ВВС Красной Армии новыми, далеко не всегда «доведенными до ума» самолетами была естественным процессом, но проявившиеся на этом пути трудности были связаны прежде всего с соперничеством разных кланов советского Наркомата авиапромышленности и отставанием в области авиамоторостроения. Нужно также отметить, что советская авиация была раздроблена между армиями, фронтами и авиацией дальнего действия, тогда как германские ВВС располагали крупными авиационными соединениями. Кроме того, и это самое главное, Люфтваффе имели преимущество за счет более высокой подготовки и

¹⁰³ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник. 1. С. 234; Hahn F. Waffen und Geheimwaffen des deutschen Heeres. Bd. 2. S. 211–212; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 974–975; Bd. 5/1. S. 636.

¹⁰⁴ История второй мировой войны. Т. 4. С. 29. Более объективный анализ этой проблемы см.: Чуприн К. Миф о конармейской тачанке//Независимое военное обозрение. 2001. № 22. С. 6; Свищев В. Н. Начало Великой Отечественной войны. Т. 1. Подготовка Германии и СССР к войне. М., 2003. С. 282–283.

¹⁰⁵ Герасимов Г. Количественно-качественная характеристика ВВС РККА накануне войны//Авиация и космонавтика – вчера, сегодня, завтра. 2000. № 1. С. 1–6; Алексеенко В. И. Советские ВВС накануне и в годы Великой Отечественной войны//Авиация и космонавтика – вчера, сегодня, завтра. 2000. № 2. С. 1–7, № 3. С. 1–8, № 4. С. 1–8; Свищев В. Н. Указ. соч. С. 323–342; Солонин М. На мирно спящих аэродромах... 22 июня 1941 года. М., 2006.

боевого духа летного состава, имевшего опыт масштабных маневренных боевых действий против сопоставимого противника, за счет отработанной тактики боевого применения и взаимодействия с наземными войсками, а также благодаря безупречной работе систем связи и управления. Так, летная подготовка советских летчиков, не имевших в большинстве опыта боев с равноценным противником, составляла 30–180 часов, а немецких – 450 часов. Следовательно, все это вместе взятое давало немецким ВВС определенное качественное превосходство.

По мнению современных германских исследователей, анализ состояния Восточной армии вермахта к 22 июня 1941 года показывает, что *«дивизии с лучшим оснащением были сосредоточены вокруг танковых групп, в то время как между ними и на флангах использовались преимущественно менее боеспособные и малоподвижные дивизии. В целом Восточная армия производила впечатление скорее „лоскутного одеяла“, вопреки очень распространенному в послевоенной литературе суждению, что Гитлер, благодаря гибкой экономике молниеносной войны и ограблению оккупированных территорий, смог мобилизовать против СССР мощную однородно оснащенную армию.*

Таблица 28

Численность самолетов в ВВС Германии и СССР¹⁰⁶

	Германия	СССР	Соотношение
Бомбардировщики	2642	6887	1 : 2,6
Разведчики	823	1934	1 : 2,3
Истребители	2249	9881	1 : 4,4
Штурмовики	—	57	—
Прочие	1138	5729	1 : 5
Итого	6852	24 488	1 : 3,6

Этот сам по себе довольно неожиданный факт объясняется не только имевшимися тогда материальными возможностями германского военного командования, но также и тем, что решение напасть на Советский Союз не было обеспечено соответствующими энергичными мерами в области вооружения. Его производство не было соотнесено с потенциалом противника, поскольку германское руководство исходило из того, что сможет имеющимися силами уничтожить военный потенциал СССР в течение нескольких недель»¹⁰⁷.

Таким образом, явного качественного превосходства техники, как и ее количественного превосходства, у вермахта не было. Однако подготовка личного состава и эксплуатация этой техники в вермахте были более высокими, чем в Красной Армии. Явным преимуществом вермахта было то, что сосредоточенные для нападения на СССР войска находились в развернутом состоянии и полной боевой готовности, а Красная Армия еще только начала сосредоточение и развертывание войск на Западе. Германские войска имели достаточно высокий боевой дух и рассчитывали еще на одну молниеносную войну. К лету 1941 года вермахт был сильнейшей армией мира, что делало его очень серьезным противником. И если советским конструкторам удалось еще до войны создать технику, которая вполне соответствовала тогдашнему мировому уровню военно-технических разработок или даже превосходила его, то Красной Армии еще только предстояло научиться бить врага этой техникой, и учеба эта была долгая и трудная.

Все это лишний раз показывает, что попытки отечественной историографии объяснить вслед за Сталиным поражения советских войск в начале войны то количественным, то качественным превосходством германской техники не обоснованы. Вооружение войск сторон было вполне сопоставимым по своим качественным параметрам, не имел вермахт в целом и количественного превосходства. Поэтому на первое место выходит вопрос об уровне подготовки войск и о рациональном использовании наличных сил Красной Армии, об умении ими пра-

¹⁰⁶ Боевой и численный состав Вооруженных Сил СССР в период Великой Отечественной войны. Статистический сборник № 1. С. 50–52; Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 5/1. S. 554–555.

¹⁰⁷ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Bd. 4. S. 188–189.

вильно распорядиться. Именно этого умения и не хватило советскому военно-политическому руководству, что и привело к столь трагическому началу войны. Неправильная оценка международной обстановки накануне германского нападения и недостатки в боевой выучке войск стали главными причинами, предопределившими поражения Красной Армии в начале войны. Войска, не будучи развернутыми и укомплектованными, должны были с ходу вступать в сражение с превосходящими их в каждом отдельном бою силами противника, который действовал в целом более профессионально. К сожалению, героизм воинов Красной Армии не мог компенсировать недостатки в боевой подготовке личного состава и отсутствие налаженной системы управления войсками.

Таким образом, анализ отечественной историографии показывает, что за прошедшие десятилетия представления по вопросу о численности войск сторон к началу Великой Отечественной войны кардинально изменились. Соответственно, оказалась опровергнута версия о полном численном превосходстве противника, бывшая привычным объяснением причин «временных неудач» Красной Армии. Имеющие цифровые данные показывают более сложную картину. Выяснилось, что в принципе советское военно-политическое руководство имело возможность сосредоточить на ТВД группировку войск, которая превосходила бы войска противника. Однако Красная Армия должна была завершить стратегическое сосредоточение и развертывание не ранее 15 июля 1941 года. В результате германскому командованию удалось развернуть компактные, полностью боеготовые группировки, которые смогли создать в полосах своих главных ударов практически подавляющее превосходство над советскими войсками прикрытия. Внезапное нападение и высокие темпы наступательных операций позволили вермахту громить войска Красной Армии по частям, навязывая противнику свою волю. Ныне совершенно очевидно, что при анализе проблем трагедии 1941 года ключевыми становятся вопросы об умении советского командования распорядиться наличными силами и о боеспособности советских войск.

Вместе с тем следует отметить, что проблема качественного состояния вооруженных сил (а не только вооружений) сторон требует прежде всего разработки соответствующей методики исследования этого непростого вопроса. К сожалению, сегодня ничего подобного нет и, насколько можно судить по литературе, сама эта методологическая проблема все еще плохо осознается.

Однако отсутствие подобной методики ведет к тому, что в исследованиях будут превалировать субъективные оценки, а проблема так и останется нерешенной. Современное состояние историографии по вопросу о соотношении сил сторон к началу войны показывает, что он все еще окончательно не решен. Так, по германским войскам окончательно выяснено лишь количество дивизий и самолетов. Для выяснения всех остальных показателей требуется тщательное изучение документов вермахта, которое пока не проводилось. Столь же тщательное исследование требуется и в отношении вооруженных сил бывших союзников Германии. Что касается Красной Армии, то здесь необходимо введение в научный оборот более подробных данных по численности отдельных соединений и объединений, что позволит получить более точную картину распределения сил к 22 июня 1941 года.

Марк Солонин. Удар по аэродромам – мифы и факты

Из всех мифов о начале войне, созданных советской «научно-исторической» пропагандой, этот – самый абсурдный и самый живучий. *«На рассвете 22 июня 1941 г. немецкая авиация нанесла сокрушительный удар по аэродромам советских ВВС... Атаковано 66 аэродромов... В первый день войны на земле было уничтожено 800 самолетов... 1200 самолетов... Более 2000 самолетов... Еще до полудня 22 июня на аэродромах было уничтожено 1200 самолетов... Уничтожив в первые же часы войны главные силы советской авиации, противник...»*

Это «знают» все. Об этом написаны (буквально такими или же похожими словами) сотни книг и десятки тысяч газетных статей. В отстаивании этой «истины» оказались едины партийные «историки от ГлавПУРа» и автор «Ледокола». Каждый школьник, готовясь к выпускному экзамену, должен был выучить эти заклинания наизусть.

Как и положено настоящему мифу, этот живет по своим собственным законам, не только не нуждаясь в каком-либо документальном подтверждении, но и не ослабевая от того потока новых фактов, которые стали доступны всем желающим с начала 90-х годов. Уже одно только сравнение сакраментального числа «1200 самолетов» с общей численностью группировки советской авиации на западном ТВД показывает, что **87 % (шесть из семи)** самолетов от «внезапного нападения» не пострадали вовсе. И на следующий день после пресловутого «1200, из них 800 на земле», советские **ВВС** должны были многократно превосходить в численности своего противника. Потери летного состава – а это и есть основа основ боеспособности военной авиации – были (в процентном отношении) и вовсе ничтожными. Что же тогда привело к катастрофическому разгрому?

Миф о «мирно спящих аэродромах» был старательно вылеплен коммунистическими пропагандистами отнюдь не случайно. Во-вторых, история про мирно спящую страну, ставшую объектом подлого вероломного нападения, была очень кстати – эта легенда снимала много «ненужных» вопросов о реальных планах и задачах товарища Сталина. Но даже не это было самым главным. Прежде всего нужно было вбить в сознание современников трагедии, их детей и внуков представление об объективной неизбежности, неотвратимости того, что произошло летом 41-го. Для чего как нельзя лучше подходил миф о некой «супер-экстра-эффективности», **неотъемлемо присущей** такому тактическому приему, как удар по аэродромам. Вероломный противник, воспользовавшись наивной доверчивостью товарища Сталина, смог воспользоваться этим чудодейственным приемом – и вот с этого все беды и начались...

В стремлении представить удар по аэродромам в качестве «волшебной палочки», способной в считанные часы переломить ход войны в воздухе, советские историки-пропагандисты исхитрились превзойти во вранье даже самого брехливого д-ра Геббельса. Так, за всю кампанию мая-июня 1940 года французская авиация безвозвратно потеряла от ударов по аэродромам **234 самолета** (что составило всего 26 % от ее общих потерь). Базировавшиеся во Франции истребительные части английской авиации в первые шесть дней майских боев потеряли на земле всего 4 (четыре) самолета. Разумеется, столь скромные цифры не устраивали нацистскую пропаганду, поэтому германские информационные агентства заявили, что уже 11 и 12 мая 1940 года на земле было уничтожено 436 самолетов противника. Один же из многих советских профессоров, академик РАН, доктор военных наук и прочая утверждает, что *«10 мая в результате ударов по 72 французским аэродромам было уничтожено несколько сот самолетов, а 11 и 12 мая состоялись повторные массированные удары, которые вывели из строя еще 700–750 французских самолетов...»*

Прежде чем перейти к обсуждению краткой теории вопроса, разберем один конкретный фактический пример.

Ровно через три дня после рокового утра 22 июня, на рассвете 25 июня 1941 года авиация Северного фронта (Ленинградского военного округа) совместно с ВВС Балтийского и Северного флотов нанесла массированный удар по аэродромам Финляндии. Не отвлекаясь ни на секунду на обсуждение политических причин, приведших к этому событию, и его долгосрочных стратегических последствий (об этом автором настоящей статьи написана уже 700-страничная книга, с которой все интересующиеся могут ознакомиться), перейдем сразу же к анализу сугубо военных аспектов операции. В известной монографии генерал-майора авиации, доктора наук, профессора М. Н. Кожевникова («Командование и штаб ВВС Советской Армии в Великой Отечественной войне») читаем:

«...Рано утром 25 июня 236 бомбардировщиков и 224 истребителя нанесли первый массированный удар по 19 аэродромам [здесь и далее выделено мной – М. С.]. Враг, не ожидая такого удара, был фактически застигнут врасплох и не сумел организовать противодействия. В результате советские летчики успешно произвели бомбометание по стоянкам самолетов, складам горючего и боеприпасов. На аэродромах был уничтожен 41 вражеский самолет. Наша авиация потерь не имела. В последующие пять суток по этим же и вновь выявленным воздушной разведкой аэродромам было нанесено еще несколько эффективных ударов. По данным воздушного фотоконтроля, советские летчики, атаковав в общей сложности 39 аэродромов, произвели около 1000 самолето-вылетов, уничтожили и вывели из строя 130 самолетов противника. Командование немецко-фашистских войск в Финляндии и Северной Норвегии было вынуждено оттянуть свою авиацию на дальние тыловые аэродромы...»

Согласитесь, этот текст во многом совпадает со стандартным описанием первого удара Люфтваффе по советским аэродромам. И количественные параметры (460 самолетов в «первой волне») вполне сопоставимы с действиями самого мощного, 2-го воздушного флота Люфтваффе в небе над Западной Белоруссией. Разница – причем разница разительная – обнаруживается только в результатах. Даже если исходить из версии Кожевникова, получается, что располагая подавляющим численным превосходством, советские ВВС затратили 1000 вылетов для того, чтобы за шесть дней (а вовсе не за шесть первых часов!) уничтожить 130 самолетов противника. В среднем 7,7 вылетов на один уничтоженный самолет противника. Уже эта арифметика как-то слабо сочетается с легендой про «1200, из них 800 – на земле».

Документы же командования ВВС Северного фронта, хранящиеся в ЦАМО, и работы современных финских историков рисуют совершенно другую картину. Единственным словом правды в сочинении профессора Кожевникова следует признать название месяца (июнь). Все остальное – на фоне реальных фактов – смотрится как образец «черного юмора».

Операция продолжалась ровно два дня, причем уже на второй день (26 июня) бомбардировочные части ВВС Северного фронта выполнили лишь несколько разведывательных полетов над финской территорией. Общее число аэродромов реального базирования финской авиации, которые стали объектом бомбового удара, равно семи. Только на одном аэродроме (в городе Турку) был выведен из строя **один-единственный самолет** финских ВВС. По странной иронии судьбы им оказался трофейный советский бомбардировщик СБ. Все остальные «удары по аэродромам» были или вовсе безрезультатны, или привели к тяжелым потерям нападающих. За два дня операции ВВС Северного фронта и ВВС Балтфлота безвозвратно **потеряли 24 бомбардировщика**. Никакого перебазирования финской авиации «на дальние тыловые аэродромы» не было и в помине. Совершенно фантастические цифры («39 аэродромов», «130 самолетов противника») невозможно даже отдаленно связать с какими-либо реальными событиями.

Теперь «подкрутим резкость» и рассмотрим один из эпизодов операции 25 июня более подробно. В 11:45 большая группа (14 или 15, по данным разных источников) бомбардировщиков СБ из состава 72 БАП на относительно малой высоте (1000 м по финским данным) подошла к аэродрому Йоройнен. Тактически грамотные действия командования полка, казалось

бы, были дополнены и элементом везения – бомбардировщики подошли к аэродрому именно в тот момент, когда 2-я эскадрилья истребительной группы LLv-26 после длительного патрулирования в воздухе с пустыми баками приземлилась на аэродром. Именно такая ситуация (вражеский налет на аэродром во время заправки вернувшихся с патрулирования самолетов) часто используется в отечественной историографии для объяснения колоссальных «наземных» потерь советских ВВС: немцы якобы всегда прилетали «не вовремя». Ударная группа 72 БАП прилетела для бомбежки аэродрома Иоройнен тоже совсем «не вовремя» (с точки зрения финнов). Да вот только реакция финских летчиков-истребителей оказалась совершенно своевременной и четкой.

Два истребителя на последних литрах бензина немедленно поднялись в воздух и атаковали многократно превосходящего в численности противника. В результате три бомбардировщика были сбиты непосредственно в районе аэродрома, а остальные, беспорядочно сбросив бомбы, развернулись на обратный курс. Через несколько минут вызванная по радио 3-я эскадрилья LLv-26 перехватила бомбардировщики 72 БАП в районе поселка Керисало (12 км к юго-востоку от Иоройнен). В завязавшемся воздушном бою ударная группа 72 БАП была окончательно разгромлена. Судя по отчету командира финской эскадрильи лейтенанта У.Ниеминена, к концу боя уцелело только четыре СБ, *«за одним из которых тянулся дымный шлейф»*. Фактически финские истребители сбили не 10 (как было ими заявлено), а 9 бомбардировщиков 72 БАП. Десятый СБ был сбит уже над советской территорией советским истребителем. Среди погибших был и командир эскадрильи 72 БАП капитан Поляков. Финская же истребительная группа LLv-26 не потеряла в тот день ни одного самолета ни в воздухе, ни на земле.

Этот пример позволяет сразу же выявить то главное, что определяет все «плюсы и минусы» удара по аэродромам, как одного из элементов войны в воздухе. Война – это вооруженное противоборство **двух сторон, двух противников, каждый из которых** для достижения победы проявляет упорство, мужество и находчивость. «В поле две воли» – говорит старинная русская поговорка. И если обсуждать удар по аэродромам в терминах и категориях войны (т. е. с учетом активного противодействия вооруженного противника), то этот тактический прием представляется очень сложным, затратным и рискованным мероприятием.

Прежде всего потому, что главная составляющая боевой авиации – это не самолеты, а летчики. Удар по аэродромам – даже самый удачный для нападающей стороны – приводит всего лишь к уничтожению самолетов. А самолеты в авиации – не более чем расходный материал. Нападающая же сторона теряет в воздухе над аэродромом **не только самолеты, но и летчиков**. Причем **теряет безвозвратно** – сбитый над аэродромом пилот или погибнет (воспользоваться парашютом на малой высоте практически невозможно), или окажется в плену. И то и другое на военном языке называется «безвозвратной потерей».

Во-вторых, уничтожить самолет на земле гораздо труднее, нежели в воздухе. Летающий объект уязвим в полете. Одна-единственная пробоина в радиаторе охлаждения двигателя, одна-единственная тяга управления, перебитая осколком зенитного снаряда, кусок обшивки руля высоты, вырванный разрывом снаряда самой малокалиберной авиапушки, приведут к падению или – в самом благоприятнейшем случае – к вынужденной посадке, при которой самолет, скорее всего, будет окончательно разрушен. Если эта посадка произойдет на территории противника (а во время налета на вражеский аэродром так скорее всего и получится), то подбитый самолет перейдет в разряд «безвозвратных потерь». Опять же – вместе с крайне дефицитным на войне летчиком.

Безвозвратно уничтожить стоящий на земле самолет возможно только при прямом попадании в него авиабомбы. Осколочные «ранения» от разорвавшейся в стороне авиабомбы могут вывести самолет из строя, но **лишь на время ремонта**. А это время – в зависимости от тяжести повреждений, оснащенности и квалификации ремонтных служб – может составить всего несколько дней или даже несколько часов.

Легко ли добиться прямого попадания бомбой в самолет? По данным ГУ ВВС Красной Армии экипаж бомбардировщика С Б при бомбометании с высоты 2 км в среднем добивался попадания 39 % сброшенных бомб в прямоугольник 200 на 200 метров, причем среднее круговое отклонение от точки прицеливания составляло 140 метров. Проще говоря – ни о каком прицельном бомбометании по такой точечной цели, как самолет, не могло быть и речи. Более того, для прицельного бомбометания нужно видеть цель – а вот с этим в случае удара по аэродромам возникают большие проблемы.

Простейшие маскировочные сети (а то и простая охапка зеленых веток) в сочетании с ложными целями (простыми и дешевыми, сколоченными из фанеры, досок и картона макетами самолетов) делают задачу визуального обнаружения самолета на земле почти неразрешимой. Реализовать это «почти» можно было только снизившись на предельно малые высоты (50-100 м), что совсем не просто (никаких автоматов отслеживания рельефа местности тогда еще не было и в помине) и очень опасно (на такой высоте самолет могут сбить даже плотным винтовочным огнем). Но и это еще не все – для того, чтобы исключить поражение самолета осколками сброшенной им же бомбы, бомбометание должно было производиться или с высоты более 300–500 метров, или с использованием взрывателя замедленного действия. Однако последний способ оказался еще менее эффективным, так как горизонтально летящая бомба после сброса с предельно малой высоты рикошетировала и падала в совершенно случайной точке.

Фугасная авиабомба весом в 100 кг (наиболее массовый боеприпас бомбардировочной авиации начала войны) оставляла в грунте воронку диаметром 10–15 метров. Сотня мобилизованных мужиков из соседней деревни могла засыпать ее за полчаса. Вручную. С применением техники восстановить разрушенную налетом грунтовую взлетно-посадочную полосу было еще проще. При этом надо иметь в виду, что, например, истребитель И-16 последних модификаций (тип 28, тип 29) имел взлетную скорость 130 км/час, длину разбега 210 м, длину пробега – 380 м. Взлетно-посадочной полосой для истребителей такого класса могла служить ровная поляна, утрамбованная катком или выложенная легкосъёмными металлическими панелями. Поэтому попытки вывести аэродром из строя посредством разрушением грунтовых ВПП были бы еще более затратным и крайне малоэффективным занятием.

Важно отметить, что легенда про супер-эффективность удара по аэродромам была придумана советскими «историками» задним числом. Придумана тогда, когда потребовалось найти относительно пристойные объяснения страшного разгрома советских ВВС летом 1941 года. Военным же специалистам весьма ограниченные возможности этого тактического приема были хорошо известны еще до 22 июня 1941 года.

Уже на основании изучения опыта войны в Испании были сделаны совершенно верные выводы:

*«...В первый период войны обе стороны вели интенсивные действия по аэродромам с целью завоевания господства в воздухе. В последующем, однако, они **почти полностью отказались** (здесь и далее подчеркнуто мной – М. С.) от этого. Опыт показал, что действия по аэродромам дают весьма ограниченные результаты.*

Во-первых, потому, что авиация располагается на аэродромах рассредоточенно (не более 12–15 самолетов на аэродром) и хорошо маскируется;

во-вторых, аэродромы прикрываются зенитной артиллерией и пулеметами, что заставляет нападающую авиацию сбрасывать бомбы с большой высоты при малой вероятности попадания;

*в-третьих, повреждение летного поля авиабомбами получается настолько незначительное, что **почти не задерживает вылета самолетов** противника; небольшие повреждение летного поля быстро исправлялись, а нарушенная связь восстанавливалась.*

*Очень часто бомбардировщики сбрасывали бомбы на пустой аэродром, так как авиация противника успевала заблаговременно подняться в воздух. Например, в июле 1937 г. мятежники произвели 70 **налетов** на аэродром в Алькала **группами до 35 самолетов**. В результате этих налетов было **ранено 2 человека, разрушено два самолета и грузовик...**» (275)*

Следом за Испанией последовали бои в Китае и на Халхин-Голе. Новый боевой опыт опять же показал, что удар по аэродромам остается важной, но отнюдь не единственной составляющей борьбы за господство в воздухе. На известном совещании высшего командного состава РККА 23–31 декабря 1940 года боевой опыт был обобщен следующим образом:

Г. П. Кравченко: *«Основным является воздушный бой... Я основываюсь на своем опыте. Во время действий на Халхин-Голе для разгрома одного только аэродрома мне пришлось вылетать несколько раз в составе полка. Я вылетал, имея 50–60 самолетов, в то время как на этом аэродроме имелось всего 17–18 самолетов».*

С. М. Буденный: *«Вы сказали о потерях на аэродромах, а вот какое соотношение в потерях на аэродромах и в воздухе?»*

Г. П. Кравченко: *«Ясчитаю, что соотношение между потерями на аэродромах будет такое: в частности, на Халхин-Голе у меня было так – 1/8 часть я уничтожил на земле и 7/8 в воздухе».*

Г. М. Штерн: *«И примерно такое же соотношение и в других местах».* (276)

Схожие закономерности проявились и в ходе знаменитой «Битвы за Британию». Так, за первые четыре дня немецкого авиационного наступления, с 12 по 15 августа 1940 года пилоты Люфтваффе уничтожили на аэродромах **47 английских** истребителей – ценой потери **122 собственных** самолетов. И это при том, что численность трех воздушных флотов Люфтваффе, задействованных в ударе, была больше, чем в начале «Барбароссы», и единственной боевой задачей этой воздушной армады было подавление Королевских ВВС, в то время как при вторжении в СССР Люфтваффе было вынуждено выделить значительную часть сил на огневую поддержку сухопутных войск, на разрушение дорог, переправ и складов в тылу Красной Армии, оперативную разведку и пр.

Следующий «раунд» схватки в небе над аэродромами Королевских ВВС состоялся с 23 августа по 7 сентября. Англичане потеряли тогда (главным образом – в воздухе, а не на земле) 277 истребителей, за что Люфтваффе заплатило потерей 378 самолетов всех типов. С учетом того, что многим английским пилотам удалось благополучно воспользоваться парашютом и приземлиться на собственной территории, соотношение потерь летчиков (в разные периоды «Битвы за Британию») составляло 5 к 1 или даже 7 к 1. Разумеется, не в пользу нападающей стороны.

Возвращаясь к истории Великой Отечественной войны, мы также можем констатировать весьма красноречивые факты. На протяжении всей войны потери самолетов советских ВВС на аэродромах составляли самую малую категорию потерь. Конкретно, в 1942, 1943, 1944 годах от ударов противника по аэродромам было безвозвратно потеряно соответственно **204, 239, 210 самолетов, что составило 2,47 %, 2,52 %, 2,68 %** от общего числа безвозвратных потерь. Другими словами, на огромном по протяженности фронте огромная по численности (не менее 10 тыс. боевых самолетов) советская военная авиация теряла от ударов по аэродромам менее одного самолета в день!

При всем при этом в определенных ситуациях такой тактический прием, как удар по аэродромам базирования вражеской авиации, может оказаться целесообразным (или даже единственно возможным). Смысл и задачу удара по аэродромам можно предельно коротко сформулировать так: безвозвратная потеря самолетов и летчиков в обмен на **кратковременное** превосходство в воздухе. Подвергшиеся удару аэродромы противника и базирующиеся на них авиачасти быстро восстановят свою боеспособность, но на войне бывают ситуации, когда и выигрыш пары часов решает исход операции. Вот почему перед началом крупных насту-

пательных операций нередко проводились массированные налеты на аэродромы противника. Достижимое этим временное снижение активности вражеской авиации являлось существенной помощью наземным войскам на самом трудном для них этапе прорыва обороны противника.

Бывали ситуации, когда удары по аэродромам и вовсе становились единственным возможным средством вооруженной борьбы. Например, в начале 1941 года и английская, и немецкая бомбардировочная авиация перешла к тактике ночных налетов на города и военные базы противника. Несмотря на огромные усилия (и немалые успехи) в деле создания и освоения в боевых частях средств радиолокационного обнаружения самолетов, ночные истребители оказались на тот момент бессильными в противоборстве с невидимыми в ночном мраке бомбардировщиками. Ничего другого, кроме крайне малоэффективных и ведущих к огромным потерям налетов на аэродромы базирования бомбардировщиков противника, предпринять тогда оказалось практически невозможно.

Переходя теперь от этих общих соображений к реальным событиям 22 июня 1941 года, мы можем однозначно констатировать, что решение командования Люфтваффе о нанесении массированного удара по советским аэродромам было вполне оправдано. Более того, у немцев просто не было других шансов захватить хотя бы временное господство в воздухе при том соотношении сил, которое существовало утром 22 июня. Ситуация, в которой Люфтваффе вступало в войну на Восточном фронте, могла на первый взгляд показаться безнадежной. Сил было крайне мало. Мало по сравнению с численностью авиации противника (т. е. советских ВВС), мало по сравнению с любыми теоретическими нормативами, мало по сравнению с опытом проведения прежних кампаний.

В мае 1940 года немцам удалось сосредоточить на Западном фронте самую большую группировку сил Люфтваффе за все время Второй Мировой войны. Наступление вермахта в Нидерландах, Бельгии и северной Франции, на фронте протяженностью в 300 км по прямой (от Арнема до Саарбрюкена), с воздуха поддерживали два воздушных флота (2-й и 3-й), в составе которых насчитывалось 27 истребительных и 40 бомбардировочных авиагрупп, 9 групп пикировщиков Ju-87 и 9 групп многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего **85 групп, 3641 боевой самолет** (и это без учета устаревших бипланов «Арадо» Ar-68 и «Хеншель» Hs-123, без учета разведывательной, транспортной, санитарной авиации). Оперативная плотность – **12 боевых самолетов на километр** фронта наступления.

22 июня 1941 года на Восточном фронте было сосредоточено (с учетом частей Люфтваффе, дислоцированных в северной Норвегии и Румынии) 22 истребительные и 29 бомбардировочных авиагрупп, 8 групп пикировщиков Ju-87 и 4 группы многоцелевых двухмоторных Me-110. Всего **63 группы**, на вооружении которых числилось порядка **2350 боевых самолетов** (включая неисправные). Точную цифру назвать невозможно в принципе – самолеты в ВВС являются расходным материалом, который прибывает, убывает, ломается, чинится, передается с баланса одной структуры на баланс другой. Причем, все это происходит во время войны, сама природа которой не предполагает возможность ведения учета, подобного принятому на современном компьютеризованном складе...

После предшествующих多月меческих боев в небе над Балканами и Средиземным морем техническое состояние самолетного парка Люфтваффе было удручающим. Средний процент боеготовых самолетов составлял 77 %. Такие авиагруппы, как II/JG-77, III/JG-27,1/StG-2, II/KG-53, III/KG-3,1/ZG-26, прибыли на Восточный фронт, имея на вооружении менее половины штатного числа исправных самолетов.

Минимальная протяженность фронта наступления даже в самый первый день войны составляла 800 км по прямой (от Клайпеды до Самбора). Уже через две недели ширина фронта увеличилась почти в два раза (1400 км по прямой от Риги до Одессы). Даже без учета потерь первых дней войны, средняя оперативная плотность немецкой авиации снизилась до **2 само-**

летов на километр фронта наступления (опять же – включая неисправные). К этому остается только добавить, что по предвоенным представлениям советской военной науки фронтовая наступательная операция требовала создания плотностей в 15–20 самолетов на километр. Даже Гитлер, хотя его и принято считать параноиком, понимал несоразмерность сил и задач: *«При такой огромности пространства Люфтваффе не в состоянии одновременно обработать его целиком; в начале войны авиация может господствовать только над частями гигантского фронта...»*

В среднем по числу летчиков-истребителей (с учетом ВВС Черноморского и Балтийского флотов) советская авиация имела четырехкратное превосходство над противником (расчет по числу самолетов-истребителей приводит к еще большим цифрам, так как во многих истребительных полках советских ВВС самолетов было в 1,5–2 раза больше, чем летчиков). На северном и южном флангах огромного фронта (т. е. в Прибалтике и на Украине) численное превосходство советской истребительной авиации было просто подавляющим: 7 к 1 в полосе наступления немецкой группы армий «Север» и 5 к 1 в полосе наступления группы армий «Юг».

Весьма показательно и сравнение с численностью авиации других противников Германии. В мае 1940 года истребительные силы французской авиации в зоне боевых действий насчитывали 34 эскадрильи, т. е. порядка 400–450 истребителей. С учетом истребительной авиации Голландии, Бельгии и экспедиционных сил британских ВВС численность группировки западных союзников возрастает до **50 эскадрилий, 600–650 летчиков**. Советские ВВС (истребительная авиация пяти западных округов и двух военно-морских флотов) имели в своем составе порядка **260 эскадрилий, 3550 летчиков** (самолетов-истребителей было значительно больше). Что же касается технического совершенства, то «ишаки» (И-16) последних модификаций ни в чем не уступали (а по всем показателям горизонтальной и вертикальной маневренности – превосходили) основной истребитель французских ВВС «Моран-Солнье» MS-406. Советские истребители «новых типов» (МиГ-3, Як-1) ни в чем не уступали лучшему (для мая 1940 года) французскому истребителю «Девуатин» D-520, причем если в ВВС Франции 10 мая 1940 года числилось всего 36 «Девуатинов», то в составе советских ВВС пяти западных приграничных округов к 22 июня 1941 года числилось уже 903 МиГа и 103 Як-1.

Ничуть не менее внушительными казались и потенциальные возможности советской бомбардировочной авиации. 22 июня 1941 года в составе группировки советской авиации (с учетом ДБА и авиации ВМФ) числилось 1300 ДБ-З/Зф, 175 °СБ, 205 Пе-2, 140 Ар-2, 195 Су-2 и 50 Як-2/4. На вооружении группировки Люфтваффе на Восточном фронте было 520 Ju-88, 300 He-111, 340 Ju-87 и 130 Do-17. Суммарный «бомбовый залп» (считая по максимальной бомбовой нагрузке) советской авиации был в 2,5 раза больше, чем у противника (6480 и 2550 тонн соответственно). Следует отметить и то обстоятельство, что значительно большее число самолетов-носителей делало советскую группировку менее уязвимой для ПВО противника и теоретически обеспечивало большую вероятность регулярной «доставки» этих 6,5 килотонн к вражеским объектам.

В такой ситуации командование Люфтваффе вынуждено было прибегнуть к такому рискованному и затратному тактическому приему, как массированный удар по аэродромам базирования советских ВВС. Еще раз подчеркнем – это был **вынужденный шаг, чреватый огромными потерями**, а вовсе не «волшебная палочка», удачно найденная немцами и недоступная их противникам.

К каким же результатам привело это решение на практике?

Как ни странно, но конкретный и аргументированный ответ на этот вопрос неизвестен и по сей день. Точнее говоря, известна лишь одна составляющая ответа – потери Люфтваффе оказались вполне ощутимыми. Выполнив 22 июня 1941 года порядка 4 тысяч боевых вылетов,

немецкая авиация потеряла безвозвратно («повреждения от 100 до 60 %, приводящие к списанию самолета» по принятой в Люфтваффе классификации) 60 боевых самолетов (истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков и пикировщиков). Еще 54 машины получили повреждения меньшей степени тяжести. Общие потери составили, таким образом, **114 самолетов** (1-й воздушный флот – 9, 2-й воздушный флот – 47, 4-й воздушный флот – 58). Во все эти цифры не включены потери, связанные с авариями при взлете, столкновениями в воздухе и прочими причинами, явно не связанными с противодействием противника.

Разумеется, стакан, в который налито 100 мл воды, можно с равным основанием назвать «наполовину пустым» или же «наполовину полным». Безвозвратная потеря 60 самолетов за один день была для немцев «непозволительной роскошью». Авиационная промышленность Германии в 1941 году продолжала работать в одну смену и выпускала в среднем 10 бомбардировщиков и 8 истребителей в день. При таких пропорциях производства и потерь вся группировка Люфтваффе на Восточном фронте могла «закончиться» за два месяца.

С другой стороны, в первый день войны на Западном фронте (10 мая 1940 года) немцы безвозвратно потеряли 147 самолетов (и это не считая 157 транспортных «Юнкерсов», сбитых 10 мая в ходе высадки воздушного десанта в Голландии). Учитывая указанное выше соотношение численности советских и французских истребителей, потери Люфтваффе на Восточном фронте представляются неправдоподобно низкими. Не будем забывать и про 1039 зенитных батарей (именно батарей, а не зенитных орудий), стоявших на вооружении войск западных приграничных округов СССР. И совсем уже странно выглядят потери 1-го Воздушного флота Люфтваффе, который, имея своим противником ВВС Северо-Западного фронта (Прибалтийского военного округа), в составе которого числилось 8 истребительных авиаполков (418 летчиков-истребителей), потерял безвозвратно всего 3 (три) боевых самолета.

Если потери немецкой стороны известны с точностью до единиц, то о потерях советских ВВС остается строить лишь более-менее правдоподобные гипотезы. И в данном случае проблема заключается даже не в закрытости архивов, а в отсутствии самих первичных документов. Территория «белостокского выступа», в котором были развернуты 11-я, 9-я и 10-я авиадивизии, понесшие 22 июня 1941 года самые большие потери (как принято считать, 654 самолета, что составляет больше половины от сакраментальной цифры «1200 самолетов») была покинута беспорядочно отступающей Красной Армией в первые 3–4 дня войны. В ходе этой беспримерной катастрофы без вести пропали десятки генералов, тысячи танков и сотни тысяч солдат. Никакого «реестра самолетов» с точным указанием перечня повреждений, полученных ими во время удара по «мирно спящим аэродромам», с указанием времени налета вражеской авиации (что позволило бы соотнести его с известными и доступными документами Люфтваффе), просто никогда не существовало.

Командующий ВВС Западного фронта генерал-майор И. Копец погиб 22 июня при неизвестных по сей день обстоятельствах (застрелился или был застрелен; свою версию событий автор изложил в книге «23 июня: день М»). Временно исполнявший его обязанности генерал-майор А. Таюрский был арестован 8 июля 1941 года и расстрелян. Командир 11 САД полковник Ганичев погиб 22 июня во время обстрела вражеской авиацией аэродрома в городе Лида. Командир 9 САД генерал-майор С. Черных арестован в начале июля, расстрелян. 26 июня 1941 года арестован командующий ВВС Северо-Западного фронта генерал-майор А. Ионов, 27 июня арестован командующий ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенант Е. Птухин, оба расстреляны. 12 июля арестован начальник штаба ВВС Юго-Западного фронта генерал-майор Н. Ласкин, расстрелян...

В Центральном архиве МО рассекречено и доступно всем желающим архивное дело 9-й САД. Это пожелтевшая от времени картонная папка со множеством синих печатей и штампов на обложке. Внутри папки листок бумаги размером с коробку папирос «Казбек». На листочке написано, что дивизия была разгромлена в первые дни войны, а штабные документы не сохра-

нились. И это – **все!** В выше уже упомянутой, академически-солидной монографии Кожевникова после цифр потерь авиации Западного фронта стоит ссылка на популярную книжку «Авиация и космонавтика СССР». Это так же уместно, как, к примеру, ссылка на роман Жюль Верна в монографии по проектированию подводных лодок. И это, заметьте, при том, что в десятках других, гораздо менее значимых случаев, Кожевников дает, как это и принято в историческом исследовании такого масштаба, ссылку на архивные фонды. Маршал Г. В. Зимин в своей предназначенной для командного состава ВВС работе «Тактика в боевых примерах», повторив положенное заклинание {«противнику удалось уничтожить до 1200 самолетов, в том числе 800 на аэродромах»}, дает ссылку... на пропагандистскую брошюру «Боевая слава советской авиации», выпущенную в 1953 году! И это опять-таки при том, что в конце монографии Зимина идет несколько страниц непрерывных ссылок на фонды ЦАМО.

Тем не менее некоторые крохи информации сохранились. В 1962 году Главный штаб Военно-воздушных сил СССР подготовил сборник «Советская авиация в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в цифрах». В качестве авторов-составителей сборника названо 26 человек в званиях от генерал-майора до подполковника. К слову говоря, генерал-майор М. Н. Кожевников в этом перечне также присутствует. Сборник был изготовлен на ротапринте крохотным тиражом и под грифом «Сов. секретно». Рассекречен в 1992 году. В 2006 году размещен Ю. Минкевичем и П. Андрияновым на интернет-сайте (http://ilpilot.narod.ru/vvs_tsifra/index.html). Гораздо раньше, в 1964–1965 годах, была рассекречена многотомная серия «Сборник боевых документов Великой Отечественной войны». В томе № 35 находится доклад третьего по счету командующего ВВС Западного фронта генерал-майора Н. Науменко, подписанный им 31 декабря 1941 года; том № 36 содержит подписанный 21 августа 1941 года доклад нового командующего ВВС Юго-Западного фронта генерал-лейтенанта Ф. Астахова о боевых действиях авиации фронта в первые дни и недели войны. Ни Астахов, ни Науменко не были участниками событий первых дней войны; с одной стороны это снижает достоверность содержащихся в докладах фактов и выводов, с другой – делает их составителей более свободными в оценках (не они несут персональную ответственность за страшный разгром).

Первое же, что бросается в глаза при работе с этими документами – ни одна цифра не сходится с другой, что уже достаточно красноречиво свидетельствует об отсутствии сколь-нибудь достоверного учета численности самолетов и их потерь в первые дни войны. В докладе Науменко прямо сказано, что *«по сохранившимся отрывочным данным судить о полных результатах работы авиации за этот начальный этап войны нет возможности, ввиду убития тех частей, которые вели боевую работу в те дни, и слабого учета авиации в то время»*. Так, например, в отчете Науменко сказано, что *«за день 22.6.41 г. авиацией противника были уничтожены на аэродромах и в воздушных боях 538 самолетов»*. Составители же сборника «Советская авиация в ВОВ» приводят составленный предположительно в июле 1941 года документ за подписью начальника штаба ВВС Западного фронта полковника Худякова, из которого следует, что только на земле было потеряно 528 самолетов, общие же боевые потери дня составили 732 самолета.

Монография М. Н. Кожевникова сообщает, что *«9 САД потеряла 347, 1 °САД – 180, 11 САД —127 самолетов... За день враг уничтожил 387 истребителей и 351 бомбардировщик ВВС Западного особого военного округа»*. Эти кочующие из книги в книгу так называемые «уточненные данные», категорически не стыкуются со школьной арифметикой и составом самолетного парка авиадивизий Западного фронта. А именно: две бомбардировочные дивизии ВВС Западного фронта (13-я БАД и 12-я БАД) потеряли 22 июня соответственно 61 и 2 бомбардировщика. В составе трех «смешанных» (по принятой тогда терминологии) дивизий первого эшелона ВВС фронта (11-я САД, 9-я САД, 10-я САД) числилось всего 172 бомбардировщика. Даже если предположить, что все они были уничтожены в первый день войны, то и тогда суммарные потери ВВС фронта составят 235, но никак не 351 бомбардировщик. Далее, если

все 172 бомбардировщика, входившие в состав этих дивизий, были на самом деле потеряны в первый день (предположение достаточно опрометчивое), то тогда число потерянных истребителей должно составить 482 самолета, но уж никак не 387. Если же не все бомбардировщики 9-й, 10-й и 11-й дивизий были уничтожены, то тогда цифра потерь истребителей арифметически должна стать еще больше...

И тем не менее во всем этом хаосе можно выявить некоторые вполне достоверные факты, позволяющие затем сформулировать и достаточно обоснованные гипотезы.

В сборнике «Советская авиация в ВОВ» приведены данные по численности самолетного парка ВВС фронтов по состоянию на 22, 24, 30 июня и 10 июля. Сведем эту информацию в две нижеследующие таблицы:

Таблица 1

Истребители	22 июня	24 июня	30 июня	10 июля
С-З. фронт	664	391	98	89
Зап. фронт	939	203	125	105
Ю-З. фронт	1190	424	450	248
Юж. фронт	676	нет данных	445	537
ВСЕГО:	3469	> 1463	1118	979

Таблица 2

Бомбардировщики	22 июня	24 июня	30 июня	10 июля
С-З. фронт	453	238	56	57
Зап. фронт	535	292	263	214
Ю-З. фронт	587	461	369	147
Юж. фронт	309	нет данных	161	133
ВСЕГО:	1884	> 1152	849	551

Примечание: суммарное число самолетов на 24 июня подсчитано в предположении, что численность самолетов ВВС Южного фронта (Одесский военный округ) по состоянию на 24 июня была как минимум равна численности на 30 июня.

Первый и очевидный вывод из этих фактов заключается в том, что никакого «полного уничтожения» советских ВВС в первый день (или даже – в первые дни) войны не произошло. И 24, и 30 июня авиация четырех фронтов (бывших приграничных военных округов) не уступала в численности противнику. С учетом же того, что за спиной этой группировки находились части дальнебомбардировочной авиации (более 1000 самолетов), с учетом того, что ВВС Черноморского и Балтийского флотов (порядка 700 истребителей и 300 бомбардировщиков, не считая гидросамолеты) понесли в первые дни войны лишь единичные потери, советская авиация вплоть до конца июня 1941 года имела **значительное численное превосходство над противником**. К 10 июля численность ВВС четырех вышеуказанных фронтов становится несколько меньше числа самолетов Люфтваффе (хотя по истребителям все еще сохраняется примерное равенство сил), но к этому моменту в войну с немцами вступила авиация Северного фронта (Ленинградского округа), а это еще порядка 800 истребителей (в том числе 163 МиГ-3 и 20 Як-1) и 350 бомбардировщиков.

Можно обсуждать вопрос о том, насколько эффективно использовалась эта огромная воздушная армада, точнее говоря – в силу каких причин она использовалась так плохо. Но списывать все на последствия мифического «уничтожающего удара по аэродромам на рассвете 22 июня», мягко говоря, некорректно. С другой стороны, низкая (низкая лишь по сравнению с потенциальными возможностями) эффективность действий советской авиации была вполне ощутимой для противника. Не говоря уже про сотни и тысячи самолето-вылетов, произведенных по механизированным колоннам немецких войск (а в первые дни войны эти удары с воздуха стали едва ли не единственным средством, несколько снижающим темп наступления

вермахта!), отметим лишь несколько конкретных фактов, касающихся борьбы за господство в воздухе.

Здесь нас ждут «удивительные» (на фоне привычных, как растоптанные тапочки, мифов советской исторической пропаганды) открытия, а именно: за все четыре года войны на Восточном фронте Люфтваффе никогда не теряло за одну неделю столько самолетов, сколько было потеряно в июне 1941 года. С 22 по 30 июня безвозвратные потери «от воздействия противника и по неизвестным причинам» составили 212 боевых самолетов (57 истребителей, 115 бомбардировщиков, 19 пикирующих Ju-87, 21 многоцелевой Me-110). В двух бомбардировочных эскадрах (KG-51 и KG-55) безвозвратные потери составили треть от первоначальной численности самолетов. Стоит отметить, что KG-51 была вооружена новейшими «Юнкерсами» последней модификации (Ju-88 A-4), которые наш «безнадежно устаревший» И-16 якобы даже не мог догнать. В оснащенной новейшими «мессерами» (Bf-109 F-2) истребительной эскадре JG-53 число боеготовых самолетов к концу июня снизилось на 37 единиц (с 102 до 65).

В июле 1941 года «от воздействия противника и по неизвестным причинам» Люфтваффе безвозвратно потеряло 373 самолета (116 истребителей, 152 бомбардировщика, 61 Ju-87, 44 Me-110). Всего же (т. е. с учетом небоевых потерь) за пять недель боев к 26 июля было безвозвратно потеряно 627 боевых самолетов, повреждено 346, итого – из строя вышло 983 самолета. Сопоставимые потери немцы понесли лишь три года спустя, летом 1944 года (в июле безвозвратно потеряно по всем причинам 647 самолетов, в августе – 520). Среднемесячные же безвозвратные потери 44-го года составили «всего» 380 самолетов, т. е. в полтора раза меньше, чем в июле 41-го.

Разгадка этих «чудес» предельно ясна: первоначальная численность советских ВВС была настолько велика, что даже в обстановке всеобщего хаоса и потери управления даже малая часть этой «великой армады», уцелевшая от разгрома первых дней, способна была наносить сильнейшие удары по противнику.

В ряду этих ударов были и многочисленные массированные удары по аэродромам базирования вражеской авиации (уже в конце июня 1941 года этими «аэродромами базирования» стали бывшие аэродромы советских ВВС, т. е. аэродромы, место расположения которых было известно нашим летчикам с предельной точностью). Заботливо оберегая миф о некой «сверхэффективности», неотъемлемо присущей удару по аэродромам, советская историография старалась как можно реже вспоминать о том, что **не только немецкая, но и советская авиация** наносила такие удары с первых же часов (!) войны.

Один из самых первых налетов состоялся в 4:50 22 июня, когда 25 бомбардировщиков СБ из состава 9 БАП (ВВС Северо-Западного фронта) вылетели на бомбежку аэродрома противника под Тильзитом (Восточная Пруссия). Первый налет не был единственным. Оперативная сводка штаба ПриОВО № 03, подписанная в 22:00 23 июня, сообщает, что *«военно-воздушные силы в течение дня вели борьбу с авиацией противника, действовали по аэродромам Инстербург, Кенигсберг, Приекуле, Мемель, Тильзит»*. В докладе командующего ВВС Западного фронта генерал-майора Науменко читаем: *«Части ВВС Западного фронта вступили в войну с утра 22.6.41 г. День этот характеризуется... организацией ответных ударов по аэродромам противника Соколу в, Седлец, Луку в, Бяла-Подляска... Первые удары по танковым колоннам противника 22–23.6.41 г. были нанесены в районе Су валки, Домброва, Гродно с одновременным ударом по аэродромному базированию противника на меридиане Августов, Седлец...»*

25 июня удар по аэродромам базирования немецкой авиации в районе Вильнюса нанес 207 БАП из состава 3-го дальнебомбардировочного авиакорпуса. Бывший командир корпуса маршал Н. Скрипко в своих мемуарах утверждает, что *«в результате внезапного удара было уничтожено около 40 немецких истребителей»*. Документы противника подтверждают факт

удара: базировавшаяся в том районе истребительная эскадра JG-27 в июне 41-го безвозвратно потеряла на земле 2 (два) самолета.

Активные действия по уничтожению авиации противника на аэродромах вели ВВС Юго-Западного фронта. В докладе командующего ВВС генерал-лейтенанта Ф. Астахова приведены такие данные: *«За периоде 1.7 по 10.8.41 г. частями ВВС Юго-Западного фронта уничтожено на аэродромах 172 самолета противника. Эти сведения не являются достаточно полными, так как потери, нанесенные противнику при ночных налетах, полностью не учтены...»* 8 июля по решению Ставки ГК силами ВВС пяти фронтов и частей ДВА был нанесен массированный удар по аэродромам базирования Люфтваффе (к тому моменту все они уже находились на оккупированной территории СССР). В монографии Кожевникова читаем: *«На рассвете 8 июля соединения ДБ А нанесли удар по 14 аэродромам, а ВВС фронтов – по 28 аэродромам. Всего было совершено 429 боевых вылетов. На аэродромах противника было уничтожено много самолетов, в том числе ВВС Западного фронта вывели из строя 54 немецких самолета...»*

54 самолета – это только за один день. Всего в период с 6 по 12 июля ВВС Западного фронта якобы уничтожили на земле 202 самолета противника. Причем в отчете, подписанном начальником штаба ВВС фронта полковником Худяковым, также особо отмечено, что *«потери противника от действия ночных бомбардировщиков не учтены»*.

Сам же противник отмечает в своих документах безвозвратную потерю на земле 12 самолетов. Причем за весь июль 1941 года и на всем фронте (а не только в полосе группы армий «Центр»).

Разительная разница цифр имеет два простых объяснения. Во-первых, все отчеты летного состава об уничтоженных на земле самолетах противника являются ничем иным, как разновидностью «охотничьих рассказов». Если подбитый в воздухе самолет оставляет видимый шлейф дыма, а затем и яркую вспышку взрыва при падении на землю, то увидеть пробоины от осколков бомб в обшивке стоящего на аэродроме самолета невозможно в принципе. Более того, пролетая на бреющем полете над вражеским аэродромом со скоростью 100 м/сек (а это очень скромная для самолета скорость в 360 км/час) летчик даже не видит разрывов сброшенных им бомб... Во-вторых, бережливые немцы упорно «латали» поврежденные самолеты, и в разряд безвозвратных потерь могли попасть лишь машины, ставшие жертвой прямого попадания авиабомбы. Таких, естественно, было очень мало. Суровая практика войны в первые же недели подтвердила то, о чем генерал-лейтенант Г. Кравченко говорил еще на декабрьском (1940 года) совещании высшего комсостава РККА: *«Основным является воздушный бой»*. Именно в воздухе, а не на земле было уничтожено 361 из 373 самолетов, потерянных немцами в июле 1941 года.

Утопающий хватается за соломинку, а страницы псевдоисторической литературы, посвященной трагическим событиям 22 июня 1941 года, просто завалены в последние годы «дьявольскими яйцами». Для непосвященных в таинства исторического мифотворчества поясним: такими нехорошими словами обозначаются немецкие 2,5-кг осколочные бомбы SD2. Ливень этих бомб, обрушившись на «мирно спящие» советские аэродромы, и предопределил якобы небывалую эффективность первого удара.

Если бы все было так просто... На вооружении бомбардировочной авиации советских ВВС стояли самые разнообразные боеприпасы, общим числом более шестидесяти типов. Были в том числе и малокалиберные осколочные бомбы, предназначенные для поражения площадных целей – причем в отличие от Люфтваффе, в котором пресловутые «яйца» высыпались над целью из обычного ящика, громко именуемого «бомбовой кассетой», для советских ВВС была разработана специальная ротационно-разбрасывающая авиабомба (РРАБ), которая рассеивала на местности 116 малых осколочных бомб АО-2,5. Кроме того, был вариант снаряжения РРАБ стеклянными шариками с зажигательной смесью КС – в этом случае площадь поражения доходила до одного гектара. Кроме того, были специальные «выливные приборы», при помощи

которых аэродром противника можно было обильно полить смесью КС или суспензией белого фосфора. Кроме того, были и «простые» подкрыльевые кассеты АБК-500, вмещавшие 108 зажигательных ЗАБ-1, или 67 осколочных АО-2,5. И в результате всех усилий – 12 самолетов противника, реально уничтоженных на аэродромах в течение целого месяца...

Теперь посмотрим на наш «полупустой/полуполный стакан» под другим углом зрения: как и почему многократное численное превосходство советской авиации всего за одну-две недели сократилось до простого равенства сил? Что же послужило причиной гигантских потерь краснорезных самолетов в первые дни войны?

Начнем с того, что на основе приведенных выше таблиц №№ 1 и 2 составим ориентировочную сводку убыли самолетов ВВС четырех фронтов.

Таблица 3

Истребители	22–24 июня	24–30 июня	30 июня – 10 июля	Всего:
С-З. фронт	273	293	9	575
Зап. фронт	736	78	20	834
Ю-З. фронт	766	+26	202	942
Юж. фронт	нет данных	231 (22–30.6)	+92	139
ВСЕГО:				2490

Таблица 4

Бомбардировщики	22–24 июня	24–30 июня	30 июня – 10 июля	Всего:
С-З. фронт	215	182	+1	396
Зап. фронт	243	29	49	321
Ю-З. фронт	126	92	222	440
Юж. фронт	нет данных	148 (22–30.6)	28	176
ВСЕГО:				1333

Цифры убыли самолетов, приведенные в таблицах №№ 3 и 4, значительно занижены. Не говоря уже о том, что в них не отражены потери штурмовых авиаполков (к началу войны, за редчайшими исключениями, они были вооружены не «илами», а устаревшими истребителями И-15бис), в данном расчете не учтены поставки новых самолетов, которые непрерывным потоком шли из глубины огромной страны на фронт. Соответственно, приведенные в таблицах итоговые суммы потерь должны быть арифметически увеличены на величину числа новых самолетов, полученных в указанном периоде. А число это было весьма значительным: так, в выше уже упомянутом докладе начальника штаба ВВС Западного фронта сказано, что «на пополнение с 25 июня по 16 июля получено 709 самолетов». Цифра эта мало известна даже специалистам, поэтому укажем и точную архивную ссылку: ЦАМО, ф. 35, оп. 3802, д.19, лл. 70–76. Другими словами, потери ВВС Западного фронта от «внезапного удара по аэродромам» (если исходить из общепринятых цифр в 550–600 самолетов) были уже через 20 дней полностью восполнены и даже перекрыты поставками новой техники...

Несмотря на всю неточность приведенных выше цифр, они дают основание для весьма существенных выводов.

Первое и самое главное: потери первых трех дней войны настолько велики, что они никоим образом не могут быть сведены к пресловутой формуле «1200 самолетов, из них 800 на земле». Согласно данным, представленным в сборнике «Советская авиация в ВОВ», на земле было потеряно 1286 истребителей и 521 бомбардировщик. Но не за один первый день, а **за весь 1941 год**, за шесть месяцев и 9 дней войны. Таблицы же свидетельствуют об убыли 1775 истребителей и 584 бомбардировщиков на трех (из пяти) фронтах за первые три дня!

Исключительно показательна в этом смысле статистика по ВВС Юго-Западного фронта. В докладе командующего ВВС фронта Астахова сказано, что «в течение 22.6.41 г. и в последующие два дня противник нанес нашим летным частям значительные потери, уничтожив и повредив на наших аэродромах за 22, 23 и 24 июня 237 самолетов (подчеркнуто мной – М. С.), что составляет 68 процентов потерь материальной части на своих аэродромах в результате

налетов авиации противника за весь период войны, т. е. с 22.6 по 10.8.41 г.» Как видим, речь идет не только о «уничтоженных», но и о «поврежденных» машинах. Повреждения бывают разные. Многие – особенно если самолет получил их на земле, а не в воздухе – могут быть исправлены. Все в том же докладе Астахова можно прочесть, что за три недели (с 22 июня по 13 июля) было восстановлено 990 самолетов, что в **4 раза больше** общего числа поврежденных и уничтоженных на аэродромах. Но даже если «списать» все 237 самолетов в разряд безвозвратных потерь, то это никак не объясняет убыль **892 самолетов** (766 истребителей и 126 бомбардировщиков) за три дня. Еще раз повторим, что таблицы 3 и 4 дают лишь самую минимальную оценку убыли самолетов. Во многих работах современных историков (в частности, у Хазанова и Исаева) приведена цифра потерь ВВС Юго-Западного фронта в **1452 самолета** за три первые дня войны.

Судя по нашим таблицам, ВВС Северо-Западного фронта потеряли с 22 по 24 июня **488 боевых самолетов**.

В известном коллективном труде военных историков Генерального штаба (в 1992 году он назывался Генштабом «объединенных вооруженных сил СНГ») под названием «1941 год – уроки и выводы» сказано, что «*ВВС фронта за первые три дня войны потеряли 921 самолет*». Причем после этого сообщения дана ссылка на архивный фонд ЦАМО. А составленные по горячим следам событий боевые донесения первого дня войны свидетельствуют, что от «внезапного удара по мирно спящим аэродромам» было потеряно всего несколько десятков самолетов!

В разведсводке № 03, подписанной начальником штаба фронта Кленовым в 12:00 22 июня, читаем: «*Противник еще не вводил в действие значительных военно-воздушных сил, ограничиваясь действием отдельных групп и одиночных самолетов*». Вечерняя оперативная сводка штаба Северо-Западного фронта (подписана в 22:00 22 июня) сообщает: «*Потери – 56 самолетов уничтожено, 32 – повреждено [выделено мной – М. С.] на аэродромах*». На второй день войны в Оперативной сводке № 03 (22:00 23 июня) отмечены следующие потери: «*Уничтожено самолетов – 14, из них 8 в Мыта ва, повреждено – 15. Сбито авиацией 13 самолетов противника и зенитной артиллерией – 6 самолетов противника*». Судя по этому документу, борьба в воздухе идет почти на равных, да только 1-й Воздушный флот Люфтваффе с 22 по 30 июня теряет безвозвратно «от воздействия противника и по неизвестным причинам» 41 самолет, а ВВС Северо-Западного фронта – в 10 или даже 20 раз больше за первые три дня!

Еще одной примечательной особенностью динамики убыли самолетов ВВС Северо-Западного фронта является относительное постоянство уровня потерь. Если у соседнего Западного фронта потери 24–30 июня на порядок меньше потерь первых трех дней, то убыль истребителей ВВС Северо-Западного фронта в период 24–30 июня даже превосходит потери 22–24 июня (убыль бомбардировщиков чуть меньше). Это более чем странно – если верить мифу о «внезапном» ударе по аэродромам. 24 июня о начавшейся войне знали уже олениводы Чукотки, тем более о ней знали в частях ВВС действующего фронта – однако «ненормально-высокий» уровень потерь не уменьшается, а даже растет.

Совершенно очевидной является и необъяснимая на первый взгляд разница в цифрах убыли самолетов на Южном фронте и на трех других фронтах. Не только в абсолютных цифрах, но и в процентах от исходной численности самолетов ВВС Южного фронта несут гораздо меньшие потери. С 22 по 30 июня ВВС Северо-Западного фронта теряют как минимум 963 самолета, ВВС Западного фронта – 1086 самолетов, ВВС Юго-Западного фронта – 958 самолетов, а ВВС Южного фронта – всего лишь 379 самолетов.

Разумеется, равными и одинаковыми бывают только телеграфные столбы, но как же одна общая для всей Красной Армии причина – «внезапное нападение» – могла привести к столь различным результатам? Южный фронт – это Одесский военный округ, это гладкие, как стол, степи Причерноморья. Аэродромы видны с воздуха, «как на ладони». Возможности для мас-

кировки самолетов минимальные – в то время как в дремучих лесах Западной Белоруссии и Литвы забросать самолет еловыми ветками можно за полчаса. Казалось бы, именно в полосе Южного фронта потери от первого удара по аэродромам должны были быть самыми большими – однако в реальности все произошло точно наоборот.

Заслуживает внимания и количество аэродромов, подвергшихся нападению ранним утром 22 июня 1941 года. По общепринятой в советской историографии версии *«воздушным налетам подверглись 66 аэродромов, в том числе 26 аэродромов Западного, 23 – Киевского, 11 – Прибалтийского особых военных округов и 6 аэродромов Одесского военного округа»*. Строго говоря, непосредственно в первом ударе по советским аэродромам участвовало всего 868 немецких самолетов (637 бомбардировщиков и 231 истребитель), которые атаковали **не 66, а 31 аэродром**. Но не будем придирается к мелочам. Важнее сопоставить объявленную цифру (66 аэродромов) с реальной картиной развития аэродромной базы ВВС западных округов.

Цифры количества аэродромов редко совпадают даже внутри одной книги одного автора. Это связано прежде всего с тем, что в эпоху самолетов со взлетным весом в пару тонн и посадочной скоростью в 130 км/ час, само понятие «оперативный аэродром» несколько размывалось, ибо летом в этом качестве с успехом могло использоваться любое ровное поле после минимальной подготовки. Авторы упомянутой выше коллективной монографии «1941 год – уроки и выводы» сообщают, что *«всего на 116 авиаполков ВВС приграничных военных округов имелось 477 аэродромов (95 постоянных и 382 оперативных)»*. К этим потрясающим признаниям приложена таблица № 5, в примечании к которой указано, что эти цифры – 95 постоянных и 382 оперативных – относятся к **1 января 1941** года. А к началу войны в разной степени готовности находилось еще **278 аэродромов**. В частности, понесшие наибольшие потери от *«внезапного удара по 26 аэродромам»* ВВС Западного ОВО имели (если верить таблице № 5) 29 основных, 141 оперативный и 55 строящихся аэродромов. И это также данные 1 января 1941 года.

Сов. секретный сборник 1962 года «Советская авиация в ВОВ» приводит следующие цифры: на 22 июня 1941 года в четырех западных военных округах было (не считая строящихся) **528 аэродромов (58 в Прибалтийском, 213 в Западном, 150 в Киевском и 107 в Одесском округах)**. Другими словами, **88 % всех аэродромов** вообще не подверглись 22 июня 1941 года какому-либо воздействию противника. Стоит также напомнить, что ни одна бомба не упала утром 22 июня ни на один аэродром Ленинградского военного округа и ВВС Балтфлота. Стоит также заметить, что судя по документам штаба Киевского военного округа, уже в декабре 1940 года на территории округа «к западу от Днепра» было не 150, а 167 аэродромов.

Крайне преувеличенными являются и слухи о том, что некоторые (не говоря уже о всех) аэродромы находились на расстоянии «пушечного выстрела от границы». В полосе 20–30 км от границы были развернуты лишь полевые оперативные аэродромы истребительных полков – и такое размещение зеркально соответствовало дислокации истребительных и штурмовых групп Люфтваффе. Более того, в 1941–1942 годах было отдано немало приказов, в которых от командиров истребительных частей категорически требовали приблизить аэродромы именно на такое (20–30 км) удаление от линии фронта. Даже в понесших наибольшие потери ВВС Западного фронта ни один аэродром не был – да и не мог быть – подвергнут артиллерийскому обстрелу утром 22 июня. Причина этого предельно проста: основные системы полевой артиллерии вермахта на такую дальность не стреляли, а отдельные батареи и дивизионы артиллерии большой мощности использовались для решения совсем других задач. Базовые же аэродромы 9-й САД (именно эта дивизия потеряла наибольшее число самолетов) находились рядом с городами Белосток и Заблудув (80 км от границы), Россь (170 км от границы) и Бельск (40 км от границы). Что же касается бомбардировочных дивизий Западного фронта (12 БАД и 13-я БАД), то они и вовсе базировались в районе Витебска, Бобруйска, Быхова, т. е. на расстоянии

350–400 км от границы. Немцы, к слову говоря, свои бомбардировочные эскадры придвинули гораздо ближе...

На наш взгляд, приведенных выше фактов более чем достаточно для того, чтобы отправить версию о «внезапном уничтожающем ударе по аэродромам» в мусорную корзину. Или, выражаясь более деликатно – на свалку истории.

В первый день войны летчики Люфтваффе заявили о 322 сбитых в воздухе советских самолетах. Исходя из достаточно скромного для воздушных боев Второй Мировой войны двух-трехкратного завышения числа заявленных побед, эти доклады можно считать свидетельством реального уничтожения **100–150 самолетов** советских ВВС. К слову говоря, в докладе Науменко сказано, что летчики ВВС Западного фронта сбили 143 немецких самолета в первый день войны, 124 – во второй, а всего до конца июня было якобы сбито 442 самолета противника. Фактически же безвозвратные потери 2-го воздушного флота Люфтваффе составили (как было уже выше отмечено) 23 самолета в первый день и 87 самолетов – до конца июня. С какой стати отчеты немецких летчиков (да еще и «обработанные» в ведомстве д-ра Геббельса) должны считаться более достоверными?

Число советских самолетов, реально и безвозвратно уничтоженных в ходе налетов немецкой авиации на аэродромы западных округов, установить **невозможно**. Соответствующие документы авиаполков и дивизий утрачены (или их даже не успели составить), а доклады немецких (так же, как и советских) летчиков на эту тему являются «охотничьими рассказами», не имеющими даже отдаленного сходства с действительностью. Все, что возможно – это по аналогии со всеми известными операциями, периодами и кампаниями Второй мировой войны предположить, что безвозвратные потери на земле были в разы меньше потерь в воздухе.

Потеря **двух тысяч самолетов в первые три дня войны** (и немногим меньшие потери последующих дней) произошла не в воздухе, а на земле. Но эти потери имели своей причиной не удар авиации противника по аэродромам, а **беспорядочное отступление собственных войск, в ходе которого вооружение (в том числе – боевые самолеты) были оставлены/брошены/уничтожены самим личным составом авиационных частей**.

Дело дошло до того, что в документах советских ВВС появился такой дико звучащий в военном лексиконе термин, как «неучтенная убыль». Согласно отчету, составленному офицером штаба ВВС Красной Армии полковником Ивановым, к 31 июля 1941 года «неучтенка» составила **5240 самолетов**. Задним числом всю эту массу брошенной при паническом бегстве техники записали в число «уничтоженных внезапным ударом по аэродромам». С чем никто не стал спорить – ни немецкие летчики и их командиры (что понятно), ни советские «историки» (что еще понятнее)...

Эта гипотеза сразу же объясняет все особенности динамики и географии убыли самолетов советской авиации. Таблицы №№ 3 и 4 четко и адекватно отражают темп и маршруты наступления **наземных сил** германской армии.

Аэродромы (вместе с брошенными на них боевыми самолетами) трех находившихся в «белостокском выступе» авиадивизий (11 САД, 9 САД, 1 °САД) были оставлены беспорядочно отступающими войсками Западного фронта в первые 2–3 дня войны. Это и стало причиной огромной «убыли» (порядка тысячи самолетов за три дня).

В дальнейшем ежедневные потери ВВС Западного фронта уменьшаются на порядок, так как это уже потери воздушных боев, а сбивать советские самолеты сотнями в день у истребителей 2-го воздушного флота Люфтваффе не получалось. *«В бой с нашими истребителями вступать избегают; при встрече организованного отпора уходят даже при количественном превосходстве на его стороне. На советские аэродромы, где базируются истребительные части, ведущие активные действия и давшие хотя бы раз отпор [выделено мной – М. С.] немецко-фашистской авиации, противник массовые налеты прекращал»*. Это строки из отчета о бое-

вых действиях ВВС Западного фронта, подписанного 10 июля 1941 года командующим авиацией фронта (на тот момент – полковником) Н. Науменко.

В полосе наступления Группы армий «Север» крупных «котлов» окружения не возникло, и немецкие войска, непрерывно наступая от границ Восточной Пруссии до Пскова и Острова, последовательно заняли Литву, затем – Латвию, затем – Псковскую область России. Соответственно, брошенными оказывались сначала аэродромы 8 САД и 57 САД в Литве, затем – 7 САД и 6 САД в Латвии. В результате убыль самолетов ВВС Северо-Западного фронта была относительно равномерной, без такого выраженного «пика» в первые два-три дня, как это было на Западном фронте.

В июне 1941 года в Молдавии темпы продвижения противника были почти нулевыми (широкомасштабное наступление румынских и немецких войск началось там только 2 июля), брошенных при отступлении аэродромов в полосе Южного фронта в первые дни войны просто не было – в результате и потери авиации оказались минимальными. Истребительные полки ВВС Южного фронта потеряли в первый день войны всего по 2–3 самолета, а 69 ИАП не потерял ни одного. В дальнейшем этот полк под командованием выдающегося советского летчика и командира Л. Л. Шестакова, никуда не «перевеиваясь», провоевал 115 суток в небе над Кишиневом и Одессой.

Никуда не «перевеивалась» и Мурманская группировка советской авиации (1 САД и ВВС Северного флота).

В результате эффективность ударов немецкой авиации по аэродромам базирования советских ВВС оказалась на этом участке фронта **нормальной, т. е. весьма и весьма низкой**. И никакие «дьявольские яйца» не помогли. Самые ожесточенные бои происходили в июле 1941 года – немцы отчаянно рвались к Мурманскому порту и железной дороге, связывающей Заполярье с «большой землей». Общие потери группировки советской авиации составили в июле 80 самолетов (от всех причин, включая аварии), из них **21 самолет (7 % от исходной численности группировки)** был потерян на земле.

Приведем еще один, географически очень далекий от «белостокского выступа», но чрезвычайно показательный пример. 13-й И АП из состава ВВС Балтфлота базировался... в Финляндии, на полуострове Ханко (после первой советско-финской войны там была развернута военно-морская и авиационная база Балтфлота). После начала второй советско-финской войны (25 июня 1941 года) аэродром Ханко оказался в зоне действия финской артиллерии и постоянно обстреливался. По той «логике», в которой у нас принято описывать разгром авиации Западного фронта, 13-й И АП должен был быть уничтожен за несколько часов. Фактически же, 13-й И АП провоевал до поздней осени 1941 года, и был выведен с полуострова только после общей эвакуации Ханко. В марте 1942 года полк был переименован в 4-й Гвардейский. Более полутора лет (до января 1943 года) полк успешно сражался на «устаревших, не идущих ни в какое сравнение с немецкими самолетами» истребителях И-16.

Автор данной статьи ни в коем случае не претендует на авторство гипотезы о том, что большая часть авиации западных округов была брошена при беспорядочном «перевеивании», а вовсе не уничтожена ударами противника по аэродромам. Уже в конце третьего дня войны, вечером 24 июня 1941 года, начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал-полковник Ф. Гальдер записывает в своем знаменитом дневнике: *«Авиация противника, понесшая очень тяжелые потери (ориентировочно 2000 самолетов), полностью перевеивалась в тыл»*. Гальдер на тот момент не был знаком ни с какими документами командования советских ВВС и судил о происходящем по докладам своих подчиненных. Те, в свою очередь, видели собственными глазами, как советская авиация исчезает из неба войны. Но было ли это следствием стихийного отступления или же приказ о перевеивании в тыл авиации первого эшелона ВВС западных округов действительно существовал?

Это еще одна «загадка лета 41-го». Но если такой приказ был, то его трудно охарактеризовать иначе, как «вредительский». Причем такая оценка не имеет ни малейшего отношения к бесконечному спору о «наступательной» и «оборонительной» армиях, о предвоенных планах советского командования и первых директивах военного времени. Даже если общий отход (не паническое бегство, а планомерный, организованный отход) в той обстановке, которая сложилась вечером 22 июня 1941 года, и был оптимальным решением, то для реализации этого решения истребительные части должны были выполнять функцию арьергарда отступления. Дороги, мосты, переправы, колонны марширующих людей и техники, пункты управления и связи необходимо прикрывать с воздуха при **любом** осмысленном действии – будь то наступление, отступление, переход к позиционной обороне. Это верно всегда, но в июне 1941 года это было особенно важно, так как именно безнаказанно бесчинствующая в небе немецкая авиация стала (что подтверждается тысячами свидетельств) важнейшим фактором деморализации Красной Армии.

Перебазирование (бегство? отход?) авиации, причем авиации истребительной (а именно истребительные авиаполки и находились ближе всего к границе) позволило противнику почти беспрепятственно бомбить части наземных войск Красной Армии, что стало одной из причин их беспорядочного панического отступления – каковое отступление, в свою очередь, еще более подталкивало авиационных командиров к принятию решения о немедленном «перебазировании». Таким образом молниеносно сформировалась «система с положительной обратной связью», действие которой в течение нескольких дней привело к тому, что большая часть самолетного парка оказалась брошенной на приграничных аэродромах.

Здесь, вероятно, стоит прервать затянувшееся изложение прописных истин и взглянуть на то, как это «перебазирование» происходило на практике. Подробный обзор событий 22–24 июня, несомненно, выходит за рамки данной статьи (далеко не полный рассказ о «перебазировании» нескольких авиаполков занимает в книге «На мирно спящих аэродромах» 113 страниц). И тем не менее приведем один трагичный и весьма показательный пример.

С. Ф. Долгушин встретил начало войны молодым летчиком в 122-м ИАП (11-й САД, ВВС Западного фронта), звание Герой Советского Союза получил уже после битвы за Москву, за годы войны совершил более 500 боевых вылетов, сбил лично 17 немецких самолетов и еще 11 – в группе. Из лейтенантов стал генерал-лейтенантом, в течение многих лет был начальником кафедры тактики в ВВИА им. Н.Е. Жуковского. Несколько фрагментов из его воспоминаний (записаны историком из Гродно В. Бардовым) позволяют увидеть события первых дней войны с неожиданной для читателя, надежно подготовленного советскими писателями, стороны:

«...Самолеты И-16, которые мы в полку получали, были 27-й и 24-й серии – с моторами М-62 и М-63. Буквально все они были новыми машинами, причем у каждого летчика: 72 самолета – 72 летчика в полку. У всех своя машина, поэтому и налет в часах у всех был большой, и летная подготовка пилотов была сильной. Я начал войну, имея налет 240 часов [здесь и далее выделено мной – М. С.]. ...Мы летали чуть ли не каждый день, ну, в воскресенье был выходной, а в субботу – летали... Ведь И-16, когда им овладеешь – машина хорошая была! Догонял он и „Юнкерс-88“ и „Хейнкель-111“, и „Ю-87“, конечно, все расстреливал. Дратся, конечно, было сложнее с „Мессершмиттами“ – но все равно, за счет маневренности можно...

...В воскресенье 22-го июня часа в 2–2:30 раздалась сирена: тревога! Ну, мы по тревоге собрались: схватили чемоданчики, шлемы, регланы. Прибежали на аэродром: техники моторы пробуют, а мы начали таскать пушки, пулеметы, боеприпасы. А пушку вставить в крыло – оно же не широкое! И вот туда пушку 20-ти кг вставить – обдерешь все руки [базировавшийся в 17 км от границы 122-й ИАП встретил начало войны в самых неблагоприятных, никакими уставами и наставлениями не предусмотренных обстоятельствах: за день до этого по приказу командования ВВС округа с истребителей было демонтировано вооружение. Обсуж-

дению возможных причин этого невероятного события посвящено несколько страниц в моей книге «23 июня: день М», но в рамках данной статьи эта тема будет излишней – М. С.]

...Я доложил командиру эскадрильи: „Звено готово!“ Он вызвал командиров звеньев. Собрались, сидим и вдруг видим: со стороны Белостока идет звено самолетов („восьмерка“ 109-х), но еще далеко было, когда мы их увидели. Прилетели они и начали штурмовать, но мы машины уже разрушили и рассредоточили... 1-я эскадрилья начала взлетать первой, и когда уже взлетели, начали взлетать и другие эскадрильи – тут уже налеты прекратились.

*Все – началась „драка“, немцы поняли... И потом, они увидели... Им же по радио все это дело шпионы наверняка сказали, что **полк ушел с аэродрома...** Пока я рулил и взлетал – мне 16 пробоин вцепили. Когда я оторвался, шасси убрал и взлетел, „мессера“ меня уже „бросили“ – мною не занимались, а „шестерка“ их была уже над аэродромом.*

*И вот эта „шестерка“ – они на меня абсолютно не обратили внимания, они **готовились сесть на аэродром...***

Последний абзац выглядит очень сумбурно. Непонятно – кто, куда, зачем? Что именно «немцы поняли»? Дальше все становится яснее:

*...Я походил в воздухе, посмотрел и пошел на границу, а когда ходил и смотрел над границей – наткнулся на немецкий связной самолет фирмы Физлер „Шторх“. Я дал одну очередь, и он воткнулся в землю. Потом пошел на Скидель [базовый аэродром соседнего 127-го ИАП] – там никого нету, над Гродно прошел и вернулся на аэродром. Командир эскадрильи говорит: „Мы улетаем, **полк летит в Черлены** [аэродром около города Мосты на Немане, примерно 100 км от границы – М. С.]. Ты давай заправляйся и прилетай туда...“ Полк улетел. Я улетал почти что последним...»*

На этом месте прервем на время рассказ Долгушина и постараемся хоть что-нибудь понять в прочитанном.

Первое, что необходимо отметить – полк был поднят по тревоге в 2:30 ночи. За два часа до появления первых вражеских самолетов на аэродроме 122-го ИАП уже никто не спал. Поднятый по тревоге личный состав полка успел «разрулить и рассредоточить» самолеты. Результаты первого вражеского налета Долгушин (в другом месте своего рассказа) оценивает как «очень незначительные». Это мнение полностью совпадает с сохранившимися документами штаба 3-й армии (в оперативном подчинении которой была 11-я САД): «С 4 часов 30 минут до 7 часов произведено противником 4 налета на аэродром Новы Двур группами 13–15 самолетов. Потери: 2 самолета сгорели, 6 выведены из строя. 2 человека тяжело ранено, 6 – легко...» Другими словами, потери от «уничтожающего удара по аэродромам» составили в 122-м ИАП не более 5-10 % от исходной численности. Однако уже через несколько часов (судя по рассказу Долгушина – еще до полудня 22 июня) командир 122-го ИАП принимает решение перелететь в тыл (правда, пока еще в ближний оперативный тыл 3-й армии). Противник при этом тоже времени не теряет и «перевозится», да только не назад, а вперед: даже не ввязываясь в бой с одиноким истребителем Долгушина, немцы начинают осваивать свой первый на советской территории аэродром...

Продолжим теперь чтение воспоминаний С.Ф. Долгушина:

*«...Прилетел я в Лиду [это уже 100 км к востоку от Гродно – М. С.] где-то в районе 11:30–12:00... Две „девятки“ самолетов сели тоже передо мной на этот аэродром, потому что в Черленах отбомбили – сесть нельзя. И вот, когда наши подрывали, нагрянули Ме-110 и, застав там наших на рулежке, начали бить по всем, которые рулили на полосе аэродрома. А самолетов на рулежке было еще много. В результате этого налета **машинам они ничего не сделали**, но командира дивизии Ганичева ранили в живот, и он через 2 часа скончался, его заместителя полковника Михайлова ранили в ногу, и убили одного из летчиков...*

*...После этой штурмовки в Лиде мы полетели в Черлену к полку, полк-то там... Но откровенно скажу: у которых жены были – **пошли к женам**, а мы, холостяки, улетели.*

Дивизией после гибели Ганичева никто не командовал: дивизия осталась „без руля, без ветрил“. Командир умер, Михайлов ранен, а начальника штаба я и не знал...

... Прилетели мы и сели в Черлену, где стояли на вооружении истребители И-153, вооруженные только пулеметами ШКАС, а у нас-то эскадрилья с пушечными И-16. А в Черленах для пушек снарядов нету, т. к. наши техники добирались с Нового Двора своим ходом и к тому времени были еще в пути... Начали мы работать над мостами в Гродно – прикрыть мосты и прикрыть отход наших войск через мосты. Вот там – над мостами – я и сбил свой первый бомбардировщик Ю-88 [кроме двух пушек, оставшихся без снарядов, на И-16 было и два пулемета – М. С.] Пока мы дрались – мосты в Гродно были целы, и войска переходили. Мы видели, как наши войска переходят по этим мостам – отходят на правый берег р. Неман, и до конца дня мосты оставались целы...

*...Когда смерклось и ночь наступила, поступила команда: „Перелететь в Лиду“! И вот вам ответ – тем, кто говорит, что у нас были неподготовленные летчики: **полк потерял машин 5 или 6, а больше 60 машин в полку были еще „живые“**... Пришли садиться, а взлетное поле в Лида перекопано: там строили бетонную полосу, в связи с чем осталась узкая посадочная полоса, на которую и днем-то сесть было особо негде. Так вот, подготовка летчиков была такой сильной, что при посадке мы **ни одной машины не поломали...** На аэродроме скопилось больше ста машин: наши И-16 из 122-го ИАП и И-153 из 127 ИАП...*

*...Мы сели в Лиду без техсостава, без всего. Машины пустые – боекомплект пустой, аккумуляторы сели, бензин есть, но он в цистернах под землей, достать нечем. А канистрами и ведрами – попробуй в самолет 300 кг ведром залить! И **ни одного заправщика – все на аэродроме осталось** в Новом Дворе и в Черленах. Летный состав целый день ничего не ели, сделали каждый по 5–6 вылетов, устали и измотаны так, что ни руки, ни ноги не действуют – уже еле ноги двигаем, а потом, моральное состояние какое – сами понимаете...*

*...Рано утром, 23-го июня, когда еще темно было, нас подняли по тревоге. Мы прибежали на аэродром, а у наших машин – пустые баки. Ни взлететь, ни чего. И Ме-110 уничтожили все, что было на земле. Два полка были разгромлены и перестали существовать. Нас посадили в машины и **через Минск увезли в Москву**, за новой техникой. Уезжали из Лиды все вместе – летчики 122-го и 127-го полков, **сели на машины и все уехали...** И я уверен, что там **50 % самолетов „живых“** **обоих полков так и осталось, а то и больше!** Вот так и прекратилось существование двух полков...*

Короткий рассказ С. Ф. Долгушина содержит в себе практически все наиболее значимые моменты так называемого «перевозирования» (т. е. беспорядочного, неорганизованного отступления) и его неотвратимых последствий. Уже через несколько часов после такого «перевозирования» авиаполк приходит в состояние полной беспомощности: боеприпасов нет, бензозаправщиков нет, аккумуляторы сели, у летного состава «*ни руки, ни ноги не действуют*», а все технические службы, которые и должны заправлять, заряжать, маскировать, чинить, безнадёжно застряли на забитых беженцами дорогах отступления.

Коготок увяз – всей птичке пропасть. За первой фазой «перевозирования» быстро (в случае с 122 ИАП – менее чем через сутки) наступает вторая – летчики «*сели на машины и все уехали*». Но и доехать «через Минск в Москву» (т. е. за тысячу километров от разваливающегося фронта) в ситуации, когда авиация противника господствует в небе, удастся не всем и не всегда. Возможно, не все и старались доехать. «Из 248 человек летно-технического состава, находившихся в строю утром 22 июня, спустя неделю в Орел прибыли для получения новых самолетов лишь 170 красноармейцев и командиров [странная фраза: «красноармейцы» в число «летно-технического состава» не входят – М. С.]...Против большинства фамилий в списке потерь было указано „отстал при перевозировании“». Эти слова из архивных документов 129-го ИАП (9-й САД), хотя и не имеют прямого отношения к судьбе разгромленного 122-го ИАП, достаточно характерны для событий первых дней войны.

Дальше – больше. Точнее говоря – меньше. Паническое перебазирование истребительных полков первого эшелона ВВС приграничных округов вынуждало высшее командование использовать уцелевшую на тыловых аэродромах бомбардировочную авиацию в качестве ударных самолетов поля боя, да еще и безо всякого истребительного прикрытия. Это с неизбежностью вело к огромным потерям и стремительному сокращению численности бомбардировочной авиации. В результате уже через две недели после начала войны советские ВВС растеряли то огромное количественное превосходство над противником, которое они имели к началу боевых действий.

В условиях численного равенства с советскими ВВС немецкая авиация получила решающее преимущество за счет более высокой подготовки и боевого духа летного состава, за счет отработанной тактики боевого применения и взаимодействия с наземными войсками, за счет безупречной работы системы связи и управления. Только непрерывное наращивание сил за счет переброски авиационных частей внутренних и дальневосточных округов, только непрерывное формирование новых авиаполков позволяло командованию советских ВВС наносить ответные удары, обеспечивать минимальное авиационное прикрытие наземных войск.

В конечном итоге «блицкриг» в воздухе был сорван по той же самой причине, по которой не состоялся «блицкриг» на земле: немцы просто не успевали «перемалывать» все новые и новые части противника, не успевали (да и не имели для этого необходимых промышленных и сырьевых ресурсов) восполнять растущие потери.

С другой стороны, по мере восстановления дисциплины, порядка и управляемости в советских ВВС, по мере накопления боевого опыта у летного и командного состава действия советской авиации становились все более и более эффективными. Вероятно, уже к зиме 41–42 годов в воздухе сложилось хрупкое равновесие сил.

Лев Лопуховский. В первые дни войны

Это рассказ о том, как встретил войну один из старейших артиллерийских полков Резерва Главного Командования. На мой взгляд, его история типична для других подобных артполков, встретивших удар врага в первые дни войны. В ней, как в капле воды, отражается история других частей нашей армии, на долю которых не выпала слава громких побед. Но бойцы и командиры в тяжелом 1941 году, не жалея своей крови и жизни, сделали все, чтобы остановить врага. Они закладывали основы нашей Победы 1945 года.

Речь пойдет о 120-м гаубичном артиллерийском полку (гап) большой мощности (б/м) РГК, о котором мне уже приходилось писать в связи с боями под Ярцево и Вязьмой¹⁰⁸. Конечно, этот полк выбран не потому, что им с апреля 1940 года командовал мой отец, полковник Н. И. Лопуховский. Пытаясь выяснить обстоятельств его гибели (он числился пропавшим без вести в ноябре 1941 года), я проследил историю полка с момента его создания в октябре 1929 года до гибели в окружении под Вязьмой в октябре 1941-го. Оказывается, о 120-м гап РГК докладывали Жукову и даже самому Сталину. Но об этом – в соответствующем месте. В ходе поиска в течение 40 лет мне удалось разыскать и установить более или менее постоянную связь с 60 однополчанами отца. С 1975 и до 1995 года я был секретарем совета ветеранов полка.

На примере этого полка попытаюсь рассмотреть некоторые вопросы готовности артиллерии Западного фронта, который 22 июня оказался на направлении главного удара вермахта. Мне кажется, что историки и исследователи до сих пор незаслуженно мало, в отличие от авиации и танковых войск, уделяли внимания артиллерии. Моя задача несколько упростилась в связи с тем, что буквально на днях удалось рассекретить некоторые документы, касающиеся действий полка в первые дни войны. Подобные документы не часто встречаются в архивах. Они полностью подтвердили рассказы ветеранов о первых днях войны. Думаю, читатели меня не осудят за некоторые чисто бытовые детали, характеризующие те далекие времена.

Но почему такое внимание именно артиллерии РГК? Состояние и готовность войсковой артиллерии (батареи, дивизионы, дивизионные и корпусные полки) обычно оцениваются совокупно с общевойсковыми частями и соединениями, в состав которых они входят. Артиллерийские формирования РГК являлись важнейшим средством в руках командования оперативно-стратегического объединения – фронта и предназначались, как правило, для количественного и качественного усиления войсковой артиллерии на главном направлении. На вооружении пушечных (пап) и гаубичных (гап) артполков и отдельных дивизионов РГК, кроме таких же орудий, как и в войсковой артиллерии, имелись орудия большой (БМ) и особой (ОМ) мощности.

Согласно утвержденному в августе 1939 года плану оргмероприятий, в составе артиллерии РГК предусматривалось иметь 17 артполков большой мощности по 36 203-мм гаубиц с численностью личного состава в каждом 1374 человека. Потребность в орудиях для них (612 единиц) покрывалась полностью. При этом в соответствии с мобилизационным планом на базе некоторых частей предусматривалось развернуть несколько аналогичных структур. Для обеспечения перехода войск со штатов мирного времени на штаты военного времени создавался неприкосновенный запас (НЗ). Потребность в НЗ исчислялась на основе схемы мобилизационного развертывания, в которую включались соединения и части, содержащиеся в мирное время и переводимые на штаты военного времени, а также формируемые в первый месяц войны. Использование НЗ в мирное время категорически запрещалось, а его размеры зависели от установленного Генеральным штабом коэффициента развертывания, то есть кратности развертывания. Например, если он равнялся трем («тройчатка»), это означало, что с объяв-

¹⁰⁸ Л. Лопуховский. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Эксмо; Яуза, 2007.

лением мобилизации данная войсковая часть развертывалась в три равнозначные части. Для частей артиллерии РГК коэффициент развертывания устанавливался обычно выше (3–4), чем для частей войсковой артиллерии (1–2).

По некоторым данным, из указанных выше 17 полков 13 были двойного развертывания. Для покрытия потребности военного времени планировалось произвести еще 571 гаубицу. По другим данным, в 1939 году существовал план превратить все 17 артполков в части тройного развертывания. Тогда при объявлении мобилизации количество таких полков увеличивалось бы до 51.

Достичь этого можно было за счет уменьшения количества орудий в полку до 24. В дальнейшем от «тройчатки», видимо, отказались, так как обеспечить такое количество полков орудиями, средствами тяги и другим имуществом, а также подготовленным личным составом было тогда не по силам. К тому же, как показал опыт, степень боевой готовности вновь сформированных полков к выполнению огневых задач при этом резко снижалась. Например, развернутый в связи с подготовкой к Польской кампании 350-й артполк б/м РГК непосредственно перед отправкой в состав БОВО получил на вооружение 203-мм гаубицы Б-4. Приемку орудий осуществляли прямо на железнодорожных платформах. Большая часть командного состава полка новой для них матчасти и вопросов ее применения не знала, не говоря уж о младших командирах и рядовых. Несколько лучше обстояло дело в 360-м гап РГК.

Поскольку 120-му гап б/м РГК будет посвящено много страниц, скажем несколько слов об истории его создания. Артиллерийский полк под таким номером был сформирован в Днепропетровске в октябре 1929 года на базе дивизионов 3-й Южной группы тяжелой артиллерии особого назначения (ТАОН), которые принимали участие в боях на Южном фронте, в том числе на Каховском плацдарме и у Перекопа. Полк дислоцировался в городе Днепропетровск. Шефом полка был местный завод имени К. Либкнехта. В 1932 году личный состав участвовал в спасении гражданского населения при большом разливе Днепра, за что полк получил благодарность от правительства.

Полк состоял из четырех дивизионов (в дивизионе три батареи по 2 орудия в каждой) и считался полком «тройного развертывания». Для этого заблаговременно готовились соответствующие кадры. В этом полку по штату числилось почти в 1,5 раза больше младших командиров, в том числе и из числа сверхсрочников, чем в обычной линейной части. «Переменный» рядовой состав регулярно обновлялся в ходе призывов и во время различных сборов. Из числа красноармейцев 2-го и 3-го годов службы в полковой школе готовили младших командиров запаса. За счет этого удавалось создать значительный резерв подготовленных командиров и рядовых специалистов различного предназначения.

Полк неоднократно подвергался инспекциям и показывал хорошие результаты в стрельбе и других видах боевой подготовки. В августе 1939 года на базе дивизионов 120-го гап РГК Харьковского военного округа были развернуты два новых полка – 120-й и 375-й гаубичные полки большой мощности. В то же время в округе до середины 1940 года продолжал существовать 120-й артполк, командиром которого стал капитан Прибойченко (бывший начальник штаба). Этот полк использовался для подготовки кадров для других артчастей б/м РГК. Вновь сформированному 120-му гап б/м на вооружение достались 203-мм гаубицы «Мидвэйл-VI» (тип VI) образца 1916 г., состоявшие на вооружении старой русской армии и частично отбитые в свое время у «белых»¹⁰⁹.

¹⁰⁹ Английская гаубица «Мидвэйл» Mark VI образца 1916 г. в походном положении весила до 9276 кг, вес снаряда – 90,7 кг, имела раздельное заряжание (то есть снаряд без гильзы), дальность стрельбы – 9,6 км, скорострельность – 2 выстрела в минуту, расчет – 14 человек. К ноябрю 1918 г фирма «Виккерс» изготовила 146 гаубиц. В РККА гаубица марки VI считалась очень ценным орудием, и ее несколько раз пытались модернизировать. К 1 ноября 1936 года их имелось 50 штук (и одна учебная). Они состояли на вооружении до 1943 года.

Временно исполнявшим обязанности командира 120-го гап был назначен бывший командир дивизиона капитан Г. В. Воронков, военкомом – политрук Нагульников, начальником штаба – капитан М. В. Барыбин (бывший помощник начальника штаба полка), командир батареи старший лейтенант Ф. К. Работнов стал командиром 2-го дивизиона. Позднее полк был перебросен по железной дороге в Белорусский особый военный округ, где он был придан 4-й армии Белорусского фронта. С 17 сентября полк принял участие в Польской кампании (он числился в составе действующей армии с 17 по 28 сентября 1939 года).

Наиболее боеспособные части польской армии были скованы боями с немцами. Красной Армии оказали сопротивление главным образом отдельные подразделения и части корпуса пограничной стражи. Главнокомандующий польской армии Рыдз-Смиглы отдал войскам приказ: «[...] с Советами боевых действий не вести, только в случае попытки с их стороны разоружения наших частей. [...] Части, к расположению которых подошли Советы, должны вести с ними переговоры с целью выхода гарнизонов в Румынию или Венгрию». Поэтому войсковые части польской армии, дезорганизованные внезапным вторжением советских войск, сопротивления, за редким исключением, не оказывали. Тем не менее в отдельных случаях пришлось вести серьезные бои, в которых полк не участвовал.

2 ноября 1939 года состоялось официальное воссоединение Западной Белоруссии с советской Белоруссией, а Западной Украины с советской Украиной. По сравнению с жизнью трудящихся в Союзе с его карточной системой и постоянным дефицитом товаров широкого потребления положение «освобожденных» жителей было намного лучше. Это сразу отметили бойцы и командиры Красной армии и члены их семей. Землю батракам дали, но тут же стали организовывать колхозы, что не понравилось крестьянам. Многим, очень многим из них не нравилась политика, проводимая новой властью. Но особую тревогу и недовольство вызвали открытые репрессии по отношению к «чуждым и контрреволюционным» «элементам». Зачистка «освобожденной» территории началась в конце 1939 года. Она проводилась в несколько этапов. Сначала арестовали и изолировали почти поголовно сотрудников польского государственного аппарата. С 10 февраля 1940 года началась массовая депортация основной массы осадников¹¹⁰, польских госслужащих и их семей. Для осуществления столь масштабной акции, помимо органов и оперативных частей НКВД, привлекался и личный состав армии. Например, лейтенант Кондрашин из 120-го гап с группой солдат своей батареи в количестве шести человек был направлен 10 января 1940 года на станцию Горынь (город Речица). Согласно предписанию, он ровно в 24 часа вскрыл секретный пакет, в котором было сказано, что его группа поступает в распоряжение военного коменданта города Речица. Несколько дней они вывозили семьи осадников, полицейских и офицеров к эшелонам на станцию, откуда их отправляли на север, Урал и в Сибирь.

Надо сказать, что к весне 1941 года у определенной части населения западных областей Украины и Белоруссии антисоветские настроения еще больше усилились. Это способствовало потом успешной деятельности разведывательных и диверсионных групп противника в нашем тылу.

Необычно рано – в конце ноября 1939 года – наступили морозы, выпал снег. Для большой массы войск, скопившихся на захваченной территории, не хватало казарменных помещений. Было принято решение рассредоточить войска, вышедшие к демаркационной линии. При этом руководствовались в первую очередь не оперативными соображениями, а наличием возможных мест размещения личного состава. 33-я стрелковая дивизия, расположившаяся первоначально в Брестской крепости, была передислоцирована в город Березу-Картузскую. Здесь

¹¹⁰ Осадники – переселенцы из западных и центральных областей Польши. Они получили большие наделы земли, ссуды и разного рода привилегии и являлись опорой польского режима, установленного в результате неудачного для нас исхода войны 1920 года.

находилась громадная тюрьма для политических заключенных, переоборудованная поляками из бывших казарм царской армии, известная чрезвычайно жестоким режимом. Ее вновь приспособили под казарменные помещения.

120-му гап в этом отношении повело – его перебросили из района Бреста в город Пинск. Полк разместился в казармах бывшего польского уланского полка в 3 км западнее города. Расположение подразделений в специально построенном поляками прекрасном военном городке не требовало от командования особых забот. Помнится, всех восхищала полковая баня для личного состава. Она представляла собой большое помещение, в котором на потолке были смонтированы в несколько рядов 50 душевых установок, на каждой из них имелся простейший рычаг, позволявший регулировать температуру воды.

Исполнявший обязанности командира бывший командир дивизиона капитан Воронков по своим деловым и моральным качествам не был способен командовать полком в составе четырех дивизионов, численностью более 2,5 тыс. человек. Обстановка легкой прогулки вместо боевых действий и возможность бесконтрольно распоряжаться огромными трофеями способствовала его разложению. Комиссар полка Нагульнов пьянствовал вместе с командиром и во всем потакал ему. Глядя на руководство, пустились во все тяжкие и другие начальники. Многие наиболее подготовленные командиры и специалисты полка были отправлены на Карельский перешеек. Остальные, жившие до этого в Союзе от получки до получки, в условиях «загнившего капитализма» и искусственно завышенного курса рубля к польскому злотому, не упускали возможности лишний раз посетить многочисленные кафе и рестораны города. Напившись, они устраивали гонки на приз на извозчиках – кто быстрее домчит их до полка.

Попойки часто заканчивались драками и даже стрельбой. Командир батареи Н. И. Кондрашин рассказывал мне, как его взводный лейтенант Исаченко в январе 1940 года с пьяных глаз открыл огонь из нагана в командирском общежитии. При этом пуля рикошетом попала ему в бедро. Его чуть не засудили за самострел с целью избежать отправки на фронт в Финляндию¹¹¹.

Надо сказать, что пьянство в рядах Красной Армии в этот период представляло для командования серьезную проблему. Об этом свидетельствуют неоднократные приказы наркома обороны по этому поводу. Здесь, на мой взгляд, прослеживается явная связь с репрессиями, проводившимися на протяжении многих лет, в том числе и в вооруженных силах. Уклонение от исполнения служебных обязанностей и от проведения решительных мер по наведению порядка стало повсеместным, так как командиры просто боялись доносов со стороны «обиженных» подчиненных. Многие пустились во все тяжкие, справедливо рассудив, что пьяница не может быть шпионом немецкой, японской и прочих разведок.

Единственный, кто пытался поддерживать хоть какой-то порядок в полку, был начальник штаба капитан М. В. Барыбин. Он мешал командиру и комиссару утаивать безобразия и докладывал в штаб округа обо всех происшествиях в полку. Видимо, противоречивые доклады по командной и политической линии затянули решение о смене командования полка с целью нормализации обстановки и укрепления порядка. В январе 1940 года командиром 120-го гап был назначен командир 92-го гап 33-й сд майор Н. И. Лопуховский, который в это время занимался подготовкой и отправкой артбатарей на финский фронт для восполнения больших потерь наших войск, не сумевших быстро преодолеть линию Маннергейма. Мы в это время жили в добротном кирпичном доме польского осадника, который был арестован органами НКВД, а его семья была депортирована. Моя мать после всех мытарств жизни на частных квартирах и в общежитиях была в восторге от самого дома, к которому примыкал большой ухоженный сад (примерно 6–7 рядов по 5 яблонь, не считая ягодника). На участке имелся большой

¹¹¹ Лейтенант Исаченко, доставлявший до войны время так много хлопот начальству, в ходе боев был назначен командиром батареи. Он оказался одним из тех, кто не растерялся в безвыходной обстановке окружения под Вязьмой.

крытый хозяйственный двор. Семья стала готовиться к переезду. Но приказ вдруг отменили, и мы надолго застряли в Березе.

Вообще-то странный случай – приказ и тут же его отмена. Но в 30-е годы и не такое случалось: вдруг куда-то пропадали командующие, командиры частей. Дивизиями и полками зачастую командовали майоры и капитаны. Чехарда со сменой руководителей коснулась и округов, и армий, не говоря уж о Генеральном штабе. Так, за неполные три года сменилось три командующих важнейшим приграничным Белорусским (Западным) округом. С 1931 по 1937 гг. округом командовал командарм 1 ранга И. П. Уборевич, затем – командарм 1 ранга И. П. Белов, которого в сентябре 1939 года сменил командарм 2 ранга М. П. Ковалев. С ноября этого же года командующим стал генерал армии Д. Г. Павлов. 4-й армией с июля 1938 по декабрь 1940 года командовал комдив (затем генерал-лейтенант) В. И. Чуйков, с января 1941 года – генерал-майор А. А. Коробков. Начальника штаба армии полковника И. М. Викторова (с июля 1938 по август 1940) сменил полковник Л. М. Сандалов. В 10-й армии с сентября 1939 по март 1941 года сменилось четыре командующих. С марта 1941 года ею командовал генерал-лейтенант К. Д. Голубев. Лишь 3-й армией с июля 1938 года и вплоть до начала войны командовал комкор (генерал-лейтенант) В. И. Кузнецов.

Положение в 120-м гап становилось неуправляемым. В архиве ЦГАСА хранятся две телеграммы управления кадров БВО от 10 и 14 февраля 1940 года в наркомат обороны с просьбой ускорить решение вопроса о назначении командиром 120-го гап майора Лопуховского Н. И. В связи с надвигающимися событиями в Бессарабии решение о назначении нового командира полка было наконец принято.

Еще 30 марта 1940 года нарком иностранных дел СССР Молотов заявил о наличии нерешенного спорного вопроса о Бессарабии, которая была захвачена Румынией в начале 1918 года. Уже 10 апреля Военному совету БОВО было приказано к 25 апреля: «... В) 120 гап б/м по штату № 08/3 численностью 2697 человек с артпарком по штату № 08/22 численностью 169 человек передислоцировать в ОдВО».

На следующий день командиром 120-го гап был назначен майор Н. И. Лопуховский. До этого времени он, как уже выведенный за штат, привлекался к работе в составе смешанной (вместе с немцами) комиссии по уточнению на местности новой советско-германской границы. С получением приказа отец сразу забрал нас с собой.

Об обстановке, сложившейся в полку, говорит следующий красноречивый эпизод. По приезду в Пинск майора Лопуховского никто не удосужился даже ознакомиться с его документами и предписанием. Его приняли за нового начальника штаба полка. Прежний командир обрадовался: наконец удалось свалить Барыбина! А отец сначала промолчал и, только осмотревшись, объявил, что он назначен командиром полка. Отстраненный от должности капитан Воронков, толком не сдав дела, попытался вывезти из части две машины присвоенного трофейного имущества. Но к этому времени уже состоялся приказ о строгом его учете и оприходовании. Отец приказал сгрузить мебель, но Воронков выхватил револьвер и заорал, что застрелит любого, кто подойдет к машинам. Все это происходило на моих глазах у командирского дома, где наша семья получила квартиру. Отец поднял караул «в ружье», и красноармейцы с удовольствием обезоружили бывшего командира части, который всем надоел своими пьяными выходками.

Член партии с 1921 года майор Н. И. Лопуховский¹¹² вместе с вновь назначенными военкомом батальонным комиссаром Г. А. Русаковым и начальником штаба майором Ф. С. Машковцевым (М. В. Барыбин стал помощником командира полка по технической части) взялся

¹¹² Лопуховский Николай Ильич, 1895 г.р., уроженец с. Горки Владимирской губернии, участник Первой мировой войны (с 1915 по 1.12.1917 г.), канонир крепостной артиллерии, затем унтер-офицер, после Февральской революции – член полкового комитета. В Гражданскую войну участвовал в боях против Деникина, Врангеля и Махно, награжден РВС Южного фронта именным оружием – пистолетом, а в 1938 году – юбилейной медалью «XX лет РККА».

за укрепление дисциплины и сколачивание воинского коллектива. Порядок восстанавливать было трудно: не всем пришлось по душе строгость командира. Не все сразу получалось. Тем более, что новому командованию пришлось с ходу решать весьма сложную задачу.

3 мая 1940 года полк в полном составе вместе с мат-частью (в целях экономии подвижного состава почти все трактора были оставлены на месте) был погружен в эшелоны и уже через двое суток оказался в Киеве¹¹³. Куда и зачем едут – никто ничего не знал. Через Одессу полк перебросили в район города Вознесенск, а затем – к румынской границе (Коломыя), где он был доукомплектован по штатам военного времени и полностью готов к боевым действиям.

Сталин, используя момент, когда основные силы вермахта были заняты боями во Франции, решил захватить Бессарабию, а заодно и Северную Буковину, которая согласно секретным приложениям к пакту Молотова – Риббентропа не входила в сферу интересов СССР. 26 июня в 22:00 Советский Союз предъявил ультиматум Румынии о возвращении Бессарабии и Северной Буковины. Румыния была вынуждена согласиться на все условия, предъявленные Сталиным. 28 июня в 14:00 наши войска перешли границу. 120-й гап походным порядком через Чортков, Коломыю вышел к Черновцам. После присоединения Бессарабии и Северной Буковины полк возвратился в Белоруссию, где опять поступил в оперативное подчинение 4-й армии, штаб которой располагался в городе Кобрин.

Здесь условия для размещения полка численностью в почти 3 тысяч человек с большим количеством боевой техники и автотранспорта¹¹⁴ оказались несравнимо хуже, чем в Пинске. Подразделения оказались разбросанными на довольно большой территории. В самом городе расположились штаб полка, третий дивизион капитана Морогина и полковая школа. Первый дивизион капитана Жлобы разместился в деревне Хорогца (9 км северо-восточнее Коссова). Здесь пришлось строить бараки и землянки. Второй дивизион капитана Работнова и артпарк расположился в Ивацевичи и частично на станции Коссово-Полесское (12 км от Коссова). Четвертый дивизион капитана Доронина и подразделения боевого обеспечения полка разместились в двух километрах северо-западнее города в бывшем замке Морачовгцизна, построенном в 1840 году. Вблизи него в пяти маленьких домиках жили семьи старшего комсостава полка. Семьи остальных командиров проживали в городе на частных квартирах.

Такая разбросанность подразделений и неустроенность осложнили жизнь личного состава. Подразделениям помимо боевой подготовки приходилось заниматься устройством быта и созданием учебно-материальной базы – строительством казарм, парков и складов. Тем более что в связи с тяжелыми уроками финской войны и сменой руководства Красной Армии (вместо Ворошилова наркомом обороны был назначен Тимошенко) началась перестройка всей системы подготовки войск. Тимошенко потребовал учить войска только тому, что необходимо на войне. Значительно ужесточились требования к дисциплине. Солдат и сержант за каждый час самовольной отлучки мог получить месяц дисциплинарного батальона, офицер за каждый день уклонения от исполнения служебных обязанностей – год тюрьмы. Лейтенант Каратаев отстал от эшелона при перегруппировке в Одесскую область и догнал свое подразделение только через пять суток. За это он был осужден на пять лет заключения. В 1942 году он добился отправки на фронт, хорошо воевал и закончил войну майором.

По воспоминаниям ветеранов полка большая часть занятий проводилась в поле, на полигоне и стрельбищах в любую погоду. Для отдыха времени почти не оставалось. Особенно напряженными были занятия в полковой школе, где готовили младших командиров и специа-

¹¹³ Полк насчитывал (по штату/в наличии): 2866/2795 чел, в том числе комначсостав – 192/178, младший комсостав – 546/531, рядовой состав – 2128/2086. На вооружении состояло: 24 203-мм гаубиц (36 – по схеме развертывания), автомашин – 296/225 (легковых – 6, грузовых – 189, специальных – 30), тракторов – 165/9, тракторных прицепов – 150/75.

¹¹⁴ На 1 ноября 1940 года в полку насчитывалось: 2886 человек (в том числе начсостав – 167, мл. начсостав – 214, рядовых – 2505), 285 автомашин: легковых – 7, грузовых – 262, специальных – 16, тракторов – 67, прицепов – 4, винтовок – 1870, револьверов – 396, ручных пулеметов – 2, 203-мм гаубиц – 24, радиостанций – 29, кухонь – 18.

листов (разведчики, топографы, вычислители, радисты, телефонисты, водители автомашин и трактористы) не только для полка, но и других частей округа. Здесь же готовили и командиров орудий, которым перед увольнением в запас присваивали звание младших лейтенантов.

Начсостав полка был хорошо подготовлен в огневом и техническом отношении: основные должности занимали кадровые командиры, половина из них в свое время окончила Одесское училище тяжелой и береговой артиллерии. На занятиях по командирской подготовке изучался опыт боев на Западном ТВД, где Гитлер за две недели разгромил Францию. По крайней мере, я видел, как отец вечерами готовился к занятиям, изучая статьи в военных журналах. Запомнился рассказ о захвате немецким воздушным десантом бельгийского форта с фотографиями его укреплений (теперь-то мне понятно, что речь шла о форте Эбен-Эма-эль). У нас была хорошая библиотека, в том числе и военной литературы, что удивительно для человека, окончившего всего лишь 4 класса церковно-приходской школы. Мне нравилось листать историю Гражданской войны с замазанными ликами ее героев, объявленных «врагами народа», а по капитальному труду «Артиллерия» я хорошо представлял, что такое система траншей, огневой вал и прочие тонкости.

120-й гап РГК в мирное время в организационном и оперативном отношениях подчинялся 4-й армии, которой до конца 1940 года командовал генерал-лейтенант В. И. Чуйков. Это был очень жесткий командующий – только такой смог бы удержать в 1942 году Сталинград¹¹⁵. По плану прикрытия госграницы полк должен был поддерживать 42-ю стрелковую дивизию, которая дислоцировалась в Березе (30 км западнее Коссово). Позднее ее перебросили в Брест, а на ее месте была сформирована 205-я моторизованная дивизия 14-го мехкорпуса.

По боевой тревоге полк должен был выйти в район Рачки на ружанском направлении (40 км северо-западнее Коссово). Командование полка часто привлекалось к учениям в районе оперативного предназначения армии, участвовало в командирских поездках. В частности, осенью 1940 года в 4-й армии состоялась оперативная игра на местности (единственная, в ходе которой отрабатывались вопросы обороны), когда соединения армии под напором превосходящих сил «противника» отходили от рубежа к рубежу к старой границе. В конечном итоге вторгшаяся на нашу территорию группировка «противника» была разгромлена. Через полгода на этом же направлении немцы за одну неделю прошли 350–400 км и 28 июня захватили Минск и Бобруйск.

В служебной характеристике на майора Лопуховского (в целом положительной) В. И. Чуйков лично дописал: *«...в целом подготовлен хорошо, хороший строевик, отличается умением предвидеть развитие обстановки, тактическая подготовка – удовлетворительно, самолюбив, недостаточно требователен: в полку была пьянка с дебошем и самовольная отлучка в первом дивизионе младшего командира с двумя бойцами»*. Тем не менее 16 июля 1940 года майору Лопуховскому Н. И. за отличное выполнение заданий командования в сложных условиях обстановки было присвоено звание полковника, и он был награжден медалью «XX лет РККА».

Вопреки мнению Чуйкова, ветераны полка в один голос утверждали, что Н. И. Лопуховский был требовательным командиром. Но, в отличие от многих других командиров и начальников, он не кричал на подчиненных, не оскорблял их и никогда не ругался матом. По общему мнению, это был спокойный и выдержанный человек. Командир 11-й батареи Кондрашин вспоминает, что офицеры полка жили дружно. Праздники, как правило, отмечали вместе, накрывали общий стол, выпивали, танцевали. Кстати, отец на застолье любого уровня никогда больше одной рюмки не пил. Командиру часто приходилось сдерживать своего чересчур горячего комиссара, который был младше его на 10 лет (а должно было бы вроде наоборот). Так,

¹¹⁵ В 1954 году я по служебной надобности оказался в Вюнсдорфе, где располагался штаб ГСОВГ. Шел по улице и вдруг заметил, что остался один – все офицеры, направлявшиеся в штаб, вдруг куда-то исчезли. Оказалось, что навстречу скакал на жеребце сам командующий группой войск Чуйков, окинувший меня грозным взглядом.

бывший начальник продовольственной службы полка Кудрявицкий рассказывал, что полковник Лопуховский спас ему жизнь, когда комиссар хотел его застрелить в первый же день войны за то, что он не обеспечил доставку горячей пищи в подразделения.

В связи с ограниченным объемом статьи я остановлюсь на вопросах обеспеченности Красной Армии артиллерийскими орудиями только крупных калибров. Количество артполков большой мощности, имевших на вооружении 203-мм гаубицы, постепенно увеличивалось. Видимо, сказался опыт боев на Карельском перешейке, где пришлось взламывать оборону, насыщенную долговременными сооружениями¹¹⁶. На 1.9.1940 года в составе Красной Армии их было 18, к 1 декабря – 21. На 1 января 1941 года их стало уже 33 гап б/м (сколько из них было частей двойного и тройного развертывания – неизвестно). Для их вооружения по табелю требовалось 1188 203-мм орудий (без учета мобилизационных запасов). В реальности же имелось 650 исправных 203-мм гаубиц Б-4 образца 1931 г. и 36 английских гаубиц марки VI – всего 686. То есть обеспеченность составляла 58 %. Даже если исходить из расчета по 24 гаубицы на полк, то их требовалось по штату 792 штук, фактически имелось 727, но 41 гаубице требовался капитальный ремонт.

К 22 июня 1941 года в наличии имелось уже 861 203-мм гаубица, в том числе 825 Б-4 образца 1931 г. и 36 марки VI (68,3 % от общей потребности) [1,2].

152-мм гаубиц различных образцов (1909/30 г., 1910/ 30 г., 1931 г. и М-10 образца 1938 г.) на 22 июня 1941 года в наличии имелось 3817 (77,6 % от общей потребности). По плану на мобилизационное развертывание требовалось 4798 гаубиц, на мобзапасы —120, всего —4918(79,7 % от потребности на мобразвертывание). 152-мм гаубиц-пушек МЛ-20 образца 1937 г. в наличии имелось 2897 (68,3 % от общей потребности). На мобразвертывание требовалось 2801 орудие, на мобзапасы – 96, всего – 2897 (70 % от потребности на мобразвертывание). По словам тогдашнего начальника штаба 4-й армии Л. М. Сандалова, в полосе армии на окружном полигоне юго-западнее Барановичи (у станции Обуз-Лесная) весной 1941 года имелось 480 152-мм орудий для формирования десяти артполков РГК [3]. Он не уточнил, о каких именно орудиях идет речь, и не указал, с какого именно времени началось формирование этих частей. Но заметил, что создать и сколотить эти полки до начала войны также не успели.

А вот небезызвестный В. Резун, ссылаясь на генерал-полковника Л. М. Сандалова, уже указывает время – в мае – и даже тип поставленных орудий – гаубицы– пушки МЛ-20. И что к каждому из этих орудий было изготовлено по десять боекомплектов (один б/к – 60 снарядов на орудие). Это зачем же сосредоточивать столько снарядов для формируемых полков на небольшом полигоне бывшей польской армии, который считался нештатным? Он даже не имел постоянной кадровой команды и обслуживался силами прибывавших на него артчастей. Где хранить снаряды (выстрелы), на чем перевозить? Ведь для начала формируемому полку при наличии транспорта достаточно 1–2 б/к (возимый запас). Остальные боеприпасы хранятся на складах.

Все это Резуну понадобилось, чтобы потом расписать, как доблестные немецкие войска захватили под Барановичами 480 новеньких, только что с завода гаубиц-пушек МЛ-20. Для сведения: в первой половине 1941 года их было изготовлено всего 497 штук. И что же, 480 из них отправили под Барановичи? Кстати, полков с 48 штатными МЛ-20 не было, а были артполки РГК, у которых на вооружении состояли 48 152-мм гаубиц М-10 (штат № 8/1). Были и 3-дивизионные корпусные полки, имевшие по 36 МЛ-20. Возможно, орудия предназначались для вооружения не только артполков РГК, но и корпусных полков, в том числе и для формирующейся 13-й армии, которой уже назначили район прикрытия.

На 1 ноября 1940 года в округе на вооружении артполков (дивизионных, корпусных и РГК) было 599 152-мм гаубиц и пушек. На 1 января 1941 года только гаубиц и гаубиц-пушек

¹¹⁶ На 1 марта 1940 года на финском фронте имелось 142 гаубицы Б-4, из потеряно и вышло из строя 4.

стало 774, в том числе 266 гаубиц-пушек МЛ-20¹¹⁷. Поставки 152-мм гаубиц продолжались, и к 1 июня в округе было уже 1109, в том числе 470 гаубиц-пушек МЛ-20 (то есть в течение пяти месяцев прибавилось 204 шт.). Ведь к 22 июня 1941 года в составе округа было 19 корпусных и армейских полков и 6 гаубичных полков РГК (не считая отдельных дивизионов). В июне поступило еще 24 гаубиц-пушек МЛ-20 и 6 гаубиц образца 1938 г. [4].

Но количество сил и средств – важная, но не единственная составляющая, определяющая степень готовности войск к боевым действиям и эффективности их применения. Дело не только в количестве орудий, танков и самолетов или полков, дивизий и корпусов, имеющих в составе армии. В РККА, например, к началу войны было свыше 23 тысяч танков и 29 механизированных корпусов. Но принятое решение о создании такого количества мехкорпусов было обеспечено бронетехникой только на 52 % (а в авиации новейшими типами самолетов – на 15–20 %). О степени готовности бронетанковых и механизированных войск много писалось и говорилось. Останавливаться на этом не буду и только напомним читателям выдержку из доклада начальника ГАБТУ генерал-лейтенанта Я. Н. Федоренко. 14 мая 1941 года он обратил внимание наркома обороны на то, что из-за неполного обеспечения механизированных корпусов танками по штатам они *«являются не полностью боееспособными. Для повышения их боееспособности впредь до обеспечения их танками считаю необходимым вооружить танковые полки мехкорпусов 76-мм и 45-мм орудиями и пулеметами с тем, чтобы они в случае необходимости могли бы драться, как противотанковые полки и дивизионы»*.

Для проведения этого мероприятия ЗапОВО выделялось: для 13-го мехкорпуса 48 76-мм орудий, 54 45-мм противотанковых орудий и 160 ручных пулеметов, 48 автомашин ЗИС и 74 ГАЗ. 17-й мехкорпус должен был получить 96 76-мм орудий, 72 45-мм противотанковых орудия и 320 ручных пулеметов, 96 автомашин ЗИС и 112 ГАЗ, а 20-й мехкорпус – 120 76-мм орудий, 90 45-мм противотанковых орудий и 400 ручных пулеметов, 120 автомашин ЗИС и 140 ГАЗ. 16 мая начальник Генерального штаба приказал реализовать эти планы в округе к 1 июля 1941 года. В результате к 22 июня в мехкорпусах ЗапОВО имелось танков (в основном учебных): 11-й – 414, 13-й – 282, 14-й – 518, 17-й – 63, 20-й – 94. Лишь 6-й мехкорпус был укомплектован по штату и имел 1131 танк [5]. Вот в таком состоянии были наши мехкорпуса за месяц до начала войны. Недаром Василевский говорил, что нам было нужно еще год-два мирного развития, чтобы решить задачи военного плана.

В ЗапОВО на 22 июня 1941 года имелось (в скобках – с учетом Пинской военной флотилии): орудий наземной артиллерии 6043 (6515), зенитных – 1052 (1139), минометов – 6106 (6610), всего – 13 201 (14 264) [1 (4)]. В округе было 3 пушечных и 6 гаубичных полков РГК, в том числе четыре гап б/м, из них один (120-й) находился в оперативном подчинении 4-й армии, и три (5-й, 318-й и 612-й) – в распоряжении фронта. На вооружении полков большой мощности на 1 июня находилась 101 203-мм гаубица.

По штату (утвержденному 19 февраля 1941 года) 120-й артполк б/м РГК состоял из четырех дивизионов. Всего в полку имелось 24 гаубицы, 112 тракторов, 242 автомобиля, 12 мотоциклов и 2304 человек личного состава (из них 174 офицера). Это была часть двойного развертывания. В апреле 1941 года полк перешел на штат 08/44¹¹⁸. По новому штату в полку, как и раньше, осталось четыре дивизиона трехбатарейного состава (в батарее – 2 взвода, в каждом одна гаубица). Поскольку 4-й дивизион стал скадрованным, численность личного состава полка несколько уменьшилась и составила 2171 человек, в том числе: начсостав – 166, младший начсостав – 419, рядовых – 1586.

¹¹⁷ Гаубица МЛ-20 образца 1937 г. имела вес 7270 кг, вес снаряда – 43,6 кг, максимальная дальность стрельбы – 17,4 км, скорострельность – 3–4 выстрела в мин,

¹¹⁸ ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2681. Л. 44, т. 6.

В полку было значительное количество средств радиосвязи, более 150 тракторов и около 300 автомашин, из них не менее сотни сверхштатных (в том числе несколько десятков вездеходов ЗИС-33 на полугусеничном ходу, прибывших с финского фронта). Вся автотракторная техника, за немногим исключением, находилась на консервации. Имевшиеся в полку трактора, тракторные прицепы и автомашины предназначались как для полка первой очереди, так и полка второй очереди. Но их количество не обеспечивало потребности полка второй очереди. В связи с увольнением военнослужащих срочной службы в запас и отправкой специалистов в другие части водителей автомашин и трактористов не хватало. Следует отметить, что недостаток средств мех-тяги был характерен для большинства артиллерийских частей и соединений. Некомплект планировалось ликвидировать за счет поставок автотракторной техники из народного хозяйства при объявлении мобилизации.

Иногда приходилось принимать экстраординарные меры. Так, в составе ЗапОВО было сформировано три противотанковые бригады – по одной (7-я и 6-я) в 3-й и 10-й армиях и одна (8-я) в резерве. В 4-й армии, прикрывавшей важнейшее брестское направление, не было ни одной. В бригадах не было ни одного трактора. В то же время им не были положены и лошади. Лишь по настойчивому требованию командования округа в самое последнее время было разрешено взять для них трактора из некоторых стрелковых дивизий. Артиллерию последних пришлось перевести на конную тягу.

Только в июне противотанковые бригады были в основном укомплектованы средствами мехтяги [4].

Буквально накануне войны в 120-й гап стала поступать новая матчасть. К 21 июня полк получил из 318-го гап б/м РГК 12 гаубиц Б-4. На станции Коссово-Полесское прибыло еще 6 таких орудий, которые к началу войны так и не были разгружены с платформ. Конечно, 203-мм гаубица образца 1931 г. Б-4 по всем параметрам превосходила устаревшую английскую¹¹⁹. Особенностью Б-4 являлся лафет с гусеничным ходом, что обеспечивало ей достаточно высокую проходимость и ведение стрельбы с грунта без использования специальных платформ.

Перевозка гаубицы осуществлялась двумя тракторами. Для этого она разбиралась на две части: ствол, снятый с лафета, укладывался на специальную повозку, гусеничный лафет, соединенный с передком, составлял лафетную повозку. На короткие расстояния гаубицу допускалось транспортировать и в не разобранном виде. Для транспортировки использовались гусеничные тягачи типа «Коммунар», наибольшая допустимая скорость передвижения по шоссе составляла 15 км/ч. К гаубице были разработаны выстрелы раздельного картузного заряжания с десятью переменными зарядами.

Полученные гаубицы предназначались для вооружения полка второй очереди. Для него подбирались средний комсостав (при этом лучшие командиры взводов назначались командирами батарей, а на их место должны были прибыть младшие лейтенанты из запаса), а также младший комсостав – командиры орудий, наводчики, командиры отделений связи (из полковой школы). Выбирать было из кого: еще в феврале 1940 года в полк прибыло много молодых командиров, окончивших Одесское училище тяжелой и береговой артиллерии. 14 мая 1941 года нарком обороны отдал приказ о досрочном выпуске второкурсников из училищ и немедленном направлении их в части. За неделю до начала боевых действий в полк прибыло еще несколько молодых командиров. Один из них явился в часть 21 июня. В то же время из полка в другие части в апреле и мае из полка отправили несколько средних и младших командиров и специалистов, в том числе много водителей.

Следует отметить, что приграничные округа лихорадили бесконечные реорганизации. Существующую организационную структуру войск РККА ломали беспощадно, не соображаясь

¹¹⁹ Основные данные гаубицы Б-4 орудия: масса в боевом положении – 17,7 т, в походном – 19 т, вес снаряда – 100 кг, дальность стрельбы – 17,89 км, скорострельность – 1 выстрел в 2 мин., расчет – 15 человек.

с реальными сроками на осуществление планируемых мероприятий, с обстановкой на западной границе и возможностями промышленности. Не доведя одно дело до конца, тут же затевали другое. Непрерывная реорганизация самым отрицательным образом сказалась на готовности наших войск к боевым действиям.

Как ни странно, но в это сложное предгрозовое время единственным планом, который неукоснительно соблюдался, был план отпусков. Вот и командир 120-го гап был в очередном отпуске. Новый начальник штаба полка майор Ф. С. Машковцев (бывший начальник полковой школы 318-го гап РГК) оказался вызван на сборы в академию имени Дзержинского. В отпуске были и другие командиры полка, в том числе и командир второго дивизиона; они смогли присоединиться к полку только на Березине (а 4 командира-отпускника так и не появились в полку).

Подобное положение было и в других частях и соединениях. Например, 318-й гап б/м РГК находился в лагерях с 31 мая. Оттуда для принятия военнотружеников приписного состава на период с 10 по 14 июня было откомандировано 19 средних и младших командиров. С 12 июня для прохождения 1,5 месячных сборов запаса прибыло в полк: среднего комсостава – 20 человек, младшего – 52, рядовых – 412. На 1–7 июля были запланированы соревнования по артстрелковой подготовке, проводимые начальником артиллерии округа. Тем не менее начальник штаба полка убыл в отпуск с 16 июня по 24 июля.

В течение 17 и 18 июня в полку занимались погрузкой матчасти на станции Белица. Видимо, это были орудия Б-4, предназначенные 120-му гап. Отправив орудия, командир полка и сам 20 июня убыл в отпуск¹²⁰.

Скорее всего, и в других частях, соединениях и армиях округа положение с отпусками было примерно аналогичным. С понедельника 23 июня в округе намечались сборы офицерского состава, предназначенного для вновь формируемых артополков РГК. Но в это время и сам начальник артиллерии 4-й армии генерал-майор Д. П. Дмитриев тоже был в отпуске. По существу, вся артиллерия РГК округа была обезглавлена.

Ветераны 120-го гап вспоминали, что незадолго до отправки полка в лагерь на складе «НЗ» в Коссово, где хранились первые поступившие гаубицы Б-4, с командирами дивизионов и батарей были проведены ознакомительные занятия. При этом было запрещено что-либо записывать. Как все это было не похоже на обстановку, когда собирались выступить против сравнительно слабой Польши! И это в момент, когда Красная Армия, по уверению В. Резуна, готовилась через две недели нанести упреждающий удар!

¹²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 318 гап. Оп.196518. Д. 1. Л. 67.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.